

Юджин О'Нил

Любовь под вязами

Пьеса в трех действиях

Действующие лица

Эфраим Кэбот.
Симеон |
Питер } его сыновья.
Эбин |
Абби Патнэм.
Девушка.
Скрипач.
Шериф.
Фермеры-соседи.

Действие происходит в Новой Англии на ферме Эфраима Кэбота в 1850 году. Перед домом — каменная стена с деревянными воротами, за которыми — дорога в деревню. Дом еще в хорошем состоянии, поблекли лишь ставни, выкрашенные когда-то в зеленый цвет, да посерели стены от времени и непогоды. По обе стороны дома — два огромных вяза, они распростерли свои ветви над домом, как бы защищая его и подавляя одновременно. В них есть что-то от изнуряющей ревности, от эгоистической материнской любви. От каждодневного общения с обитателями дома в них появилось нечто человеческое. В ясную безветренную погоду они напоминают женщин, которые устало склонились над крышей и сушат волосы под лучами солнца. Когда же идет дождь — их слезы монотонно каплют на крышу и, скатываясь вниз, исчезают в гальке.

Тропинка от ворот, огибая правый угол, ведет к узкому крыльцу. На втором этаже два окна — там спальни Эфраима Кэбота и его сыновей; на первом этаже — два окна побольше: кухня и гостиная. Шторы в гостиной всегда опущены.

Действие первое

Картина первая

Начало лета 1850 года. Все застыло в безветрии. В небе полыхает закат. Лучи уходящего солнца огнем зажгли верхушки вязов, но дом, укрытый их ветвями, выглядит мрачным и призрачным.

Открывается дверь, и появляется Эбин; спустившись с крыльца, он останавливается и смотрит направо на дорогу. В руке у него колокол, которым он оглушительно звонит. Перестав звонить, поднимает голову и в каком-то недоуменном благоговении долго смотрит на небо.

Эбин. Господи, до чего красиво!

Ему двадцать пять лет. Он высок, мускулист, у него приятное с правильными чертами лицо, выражающее непокорность и настороженность. Взгляд черных глаз напоминает взгляд загнанного, но не покорившегося зверя. Каждый день ему представляется клеткой, из которой он не в состоянии вырваться. У него черные усы и небольшая, чуть вьющаяся бородка. На нем грубая одежда фермера. Насмотревшись на закат и хмуро оглядевшись вокруг, он с остервенением плюет на землю и уходит в дом. С полевых работ возвращаются Симеон и Питер. Они значительно старше своего сводного брата — Симеону тридцать девять лет, Питеру тридцать семь. Братья такого же высокого роста, крепко сколочены, широкоплечи и тяжеловесны; на вид они простоватее, грубее Эбина, но хитрее и практичнее. Многолетний физический труд несколько ссутулил их. С ног до головы испачканные землей, пропахшие ею, они тяжело ступают в своих тяжелых ботинках, к которым прилипли комья грязи. Остановившись у дома, братья поднимают головы и смотрят на небо, опираясь на мотыги. Жестокое выражение их лиц смягчается.

Симеон (восхищенно). Как полыхает!

Питер. Да.

Симеон (как бы думая о своем). Восемнадцать лет пролетело.

Питер. Чего?

Симеон. Восемнадцать лет, как Джен умерла, жена моя.

Питер. Я и забыл.

Симеон. А я вот не могу; все вспоминаю да вспоминаю. Тоска грызет. Волосы какие у нее были длинные-предлинные, как лошадиный хвост, и желтые-желтые, чистое золото.

Питер (безразлично). Да, преставилась. **(Молчание.)** А на Западе, золото, Сим, золото.

Симеон (все еще любуясь закатом, отрешенно). В небесах-то как полыхает.

Питер. По всему, это — знак! **(Воодушевляясь.)** Золото на небе — золото на Западе; золотые врата. Калифорния... Золотой Запад — золотые россыпи, Сим!

Симеон (в свою очередь воодушевляясь). Говорят, там золото под ногами — только подбирай. Прямо сокровище Соломона.

Еще некоторое время оба смотрят на небо, затем, опускают головы.

Питер (с горечью). А здесь же — камень на камне: что земля, что стены. Год за годом возводим их для него — я, ты, Эбин. И все для того, чтобы он замуровал нас в них!

Симеон. Мы вкалываем, силы тратим, годы! Холим эту проклятую землю. *(Злобно топает ногой.)* И все ради его доходов.

Питер. Если бы мы холили ее в Калифорнии — в каждой борозде отваливали бы по слитку золота!

Симеон. Калифорния далеко; почти на другом краю земли. А все же надо прикинуть...

Питер. Мне было бы нелегко бросить все это, где каждый клочок земли полит нашим потом!

Сидят в раздумье. Эбин выглядывает из окна кухни, прислушивается.

Симеон. Э-хе-хе! Может, он того... помрет скоро.

Питер. Кто знает?!

Симеон. А может, он уже... помер?

Питер. Трудно сказать...

Симеон. Уж два месяца, как от него ни слуху ни духу.

Питер. Вот в такой же вечер он и уехал. Ни с того ни с сего подхватился, и прямо на Запад... Что-то тут неладно... Он никогда не уезжал, разве что в деревню. Тридцать лет, а то и больше не покидал он ферму. С самой женитьбы на матери Эбина. *(После паузы, зло.)* А что если объявить его сумасшедшим? Суд признал бы.

Страница 2 из 21

Симеон. Он быстро всех судей скрутит. И труда ему не составит. Они ни за что не поверят, что он сумасшедший. Нет, придется ждать, пока помрет.

Эбин (со злорадной усмешкой). Чти отца своего!

Симеон и Питер, вздрогнув, смотрят на брата. (Ухмыляется; затем мрачно.) Я молюсь, чтобы он умер.

Симеон и Питер продолжают в изумлении смотреть на Эбина. (Как ни в чем не бывало.) Ужин готов.

Симеон и Питер (вместе). Эх-эх!

Эбин (глядя на закат). До чего красиво, господи!

Симеон и Питер (вместе). Золото — там. На Западе.

Эбин. Где — там?

Симеон и Питер (вместе). В Калифорнии!

Эбин. Ха! *(Смотрит на них отсутствующим взглядом, затем медленно.)* Ну ладно. Ужин стынет. *(Скрывается на кухне.)* Симеон *(облизывая пересохшие губы).* Я голоден.

Питер. Копченой свининой пахнет.

Симеон. Свинина — это хорошо.

Питер. Свинина есть свинина!

Они идут, задевая друг друга, плечо к плечу, как два вола, которые торопятся в хлев — к отдыху и корму. Огибают дом справа и скрываются; слышен скрип открываемой двери.

Картина вторая

Гаснет закат, наступают сумерки.

Видна кухня, посередине стол, сколоченный из сосновых досок, на нем три тарелки, свеча, буханка хлеба и кувшин с водой. Четыре грубых деревянных стула. В правом дальнем углу плита, в центре задней стены плакат, на котором изображен корабль и напечатано крупным шрифтом: "Калифорния". Посуда развешена на гвоздях, вбитых в стену. Чисто, прибрано, но чистота эта — казарменная, не домашняя, здесь не чувствуется женской руки.

Симеон и Питер, протиснувшись на кухню, грузно опускаются на стулья. Эбин берет с плиты отварной картофель со свининой, ставит на стол и присоединяется к ним. Все трое едят, не произнося ни слова. Симеон и Питер — торопливо, как звери, Эбин — нехотя, без аппетита, изредка бросая на них неприязненные взгляды.

Симеон (неожиданно обращается к Эбину). Послушай! Ты не должен о нем так говорить.

Питер. Ты несправедлив.

Эбин. Что говорить?

Симеон. Ну молиться, чтобы он умер.

Эбин. А вы разве не молитесь?

Молчание.

Питер. Послушай! Он наш отец.

Эбин (яростно). Но не мой!

Симеон. Вот ты — разве ты разрешил бы говорить о твоей матери такое, а?

Грубо ухмыляются.

Эбин (побледнев). С ним у меня нет ничего общего, а у него — со мной.

Питер. Подожди, доживешь до его лет.

Эбин. Я — в маму! Каждой каплей крови.

Симеон и Питер смотрят на Эбина с равнодушным любопытством.

Питер (как бы вспоминая). Слов нет, она была добрая и ко мне и к Симу. Она была доброй мачехой.

Симеон. Она была добра ко всем.

Эбин (встает и в смущении неловко кланяется каждому из них). Спасибо на добром слове. Большое спасибо. *(Садится.)*

Питер (после молчания). Она и к нему была добра.

Эбин (резко). И в знак признательности он убил ее!

Симеон (философски). Никто никого не убивает. Убивают обстоятельства. Вот кто!

Эбин. Старик загнал ее до смерти.

Питер. Он и себя загоняет до смерти. И меня, и Сима, и тебя. Но все мы, как видишь, живы. Еще.

Симеон. Его что-то толкает на это.

Эбин. Когда-нибудь он ответит мне за все! *(Усмехнувшись.)* Интересно, что же это за загадочное "что-то", которое толкает его?

Симеон. Понять трудно.

Эбин. Может, его толкает то же, что вас толкает в Калифорнию?

Симеон и Питер смотрят на него с удивлением.

Но никуда-то вы не уедете! Ни за каким золотом!

Питер. Кто знает!

Эбин. Где вы денег-то на дорогу достанете?

Питер. Мы можем и пешком. Если сложить все, что мы на этой ферме отшагали, до луны хватило бы!

Эбин. Вы не пройдете и половины пути, как индейцы с вас скальпы снимут.

Симеон (с мрачным юмором). Да мы сами с любого снимем!

Эбин (упрямо). Никуда вы не уедете, ждать будете, пока он умрет, чтобы получить свою долю.

Симеон (после молчания). Мы имеем на нее право.

Питер. Две трети принадлежат нам.

Эбин (вскакивает). Вам ничего здесь не принадлежит. Это ферма моей матери. Не он ли у нее ее оттяпал. Мать умерла, и теперь ферма моя.

Симеон. Ты расскажи об этом старику, когда он объявится, ставлю доллар — он от смеха надорвется. *(Смеется; смех его похож на лай.)*

Питер (смеется, подражая брату). Ха-ха-ха!

Симеон. Что ты имеешь против нас, Эбин? Ты таишь на нас злобу, по глазам вижу — давно таишь.

Питер. Да, да!

Эбин. Может, и таю. (*Резко.*) Почему вы всегда стояли в стороне, когда он заставлял надрываться ее? Почему у вас никогда не возникало желания защитить ее? Отплатить за то добро, что она для вас делала?

Симеон и Питер во все глаза смотрят на Эбина.

Симеон (после молчания). Ну, Эбин, а скотину поить ведь надо было!

Питер. А плотничать!

Симеон. Пахать!

Питер. Убирать сено!

Симеон. Раскидывать навоз!

Питер. Полоть!

Страница 3 из 21

Симеон. Подрезать деревья!

Питер. Доить коров!

Эбин (кричит). И возводить стену... камень за камнем... возводить, пока не окаменеют ваши сердца!

Симеон. Нам некогда было вступать в чужие дела.

Питер. Ты сам был достаточно взрослым, когда она умерла, — чего сидел сложа руки?

Эбин. Я тогда не понимал, что к чему. Это уже потом я уразумел, — после того как ее не стало. (*Пауза.*) О, я теперь понимаю ее, я на своей шкуре испытал ее страдания. Она приходит ко мне и днем и ночью, — что бы я ни делал. Варю ли картошку, жарю ли свинину, пеку пироги, развожу огонь, выгребаю золу — она приходит, чтобы помочь мне. И стоит у плиты, глаза ее слезятся от дыма и чада, она плачет кровавыми слезами точно так же, как плакала при жизни. Она не может спокойно лежать там, в могиле, — она не привыкла отдыхать.

Симеон. Она никогда ни на что не жаловалась.

Эбин. Она слишком уставала. У нее не оставалось времени, чтобы жаловаться. Вот что он сделал! (*Мстительно.*) Но рано или поздно я выскажу ему все, что о нем думаю, я буду кричать во весь голос! Мама еще отдохнет в могиле! (*Садится и замолкает.*)

Вновь Симеон и Питер смотрят на Эбина с нескрываемым любопытством.

Питер (после молчания). Как думаешь, Сим, какого дьявола он уехал?

Симеон. А черт его знает! Я возвращался с поля — вижу, выезжает из ворот. Лошадь надраена, сам одет с иголочки, щелкает языком, размахивает хлыстом. Хорошо помню — я заканчивал пахать, это в мае было, весной. Он поехал прямо на запад, навстречу золотому закату. "Куда собрался, отец?!" — кричу ему. Он придержал лошадь, посмотрел в мою сторону, глаза сверкнули змеиным блеском. Я даже подумал, что он того... пьян. "Не вздумайте бежать, пока не вернусь", — сказал он.

Питер. Вот удивился бы, если бы знал, что мы хотим удрать в Калифорнию!

Симеон. Я ничего не ответил. А он посмотрел на меня как-то странно, устало и сказал: "Каждый день я слышу, как куры кудахчут и петухи орут. Я слышу, как коровы томятся в ожидании, как все оживилось, и я больше этого выдержать не могу. Весной я чувствую себя проклятым. Я — как старый орешник, который скоро пойдет на дрова". Наверно, во взгляде у меня появилась надежда, потому что он

добавил зло: "Ну-ну, не радуйтесь, я еще жив. Я поклялся прожить сто лет, и я проживу — назло всем. А сейчас, подобно пророкам, отправляюсь узнать промысел божий, уготованный мне весной. Давай-ка трудись", — сказал он еще и тронулся, что-то напевая. Я бы задержал его, если бы знал, что он трезв.

Эбин (с издевкой). Так уж и задержал бы! Ты боишься его. Он сильнее вас обоих.

Питер. Ну а ты? Ты что — Самсон?

Эбин. Я буду сильным. Я чувствую, как с каждым днем становлюсь сильнее и сильнее, в конце концов сила прорвется наружу. *(Встает, надевает пальто, шляпу.)* Братья наблюдают за ним, перемигиваясь. *(Глядя в сторону.)* Я ненадолго. Вернусь.

Питер. В деревню?

Симеон. К Минни?

Эбин (с вызовом). Да.

Питер (насмешливо). Нашел потаскушку.

Симеон (Питеру). Слышал? Сила растет в нем! Похоть в тебе растет, вот что.

Эбин. Минни красива!

Питер. Была красива! Лет двадцать назад.

Симеон. Кто угодно помолодеет, если изведет столько красок. Ей лет сорок, чтоб не соврать.

Эбин. Нет еще!

Питер. Если не сорок, то около того.

Эбин (с отчаянием). А ты откуда знаешь?

Питер. Все знают, если на то пошло, Сим знал ее, да и я потом...

Симеон. И отец может тебе порассказать кое-что. Он был первым.

Эбин. Отец?

Симеон (ухмыляясь). Да! Мы во всем его наследники!

Эбин (еле сдерживая себя). Более того, перещеголяли. *(Распахивает дверь.)* Я ей сейчас покажу!

Симеон (Питеру, подмигивая). Передумаешь, пока добежишь. Вон вечер какой! В такой вечер только целоваться!

Питер. Передумает, как пить дать.

Симеон и Питер ржут. Эбин выбегает, хлопнув дверью. Сбежав с крыльца и обогнув угол дома, останавливается у ворот, смотрит на небо.

Симеон. Весь в старика.

Питер. Точная копия!

Симеон. Они перегрызут друг другу горло.

Питер. Да! *(Пауза. С тоской.)* Может, через год мы уже будем в Калифорнии.

Симеон. Возможно. *(Потягивается, зевает.)* Идем спать. *(Гасит свечу.)* Братья уходят.

Эбин (простирая руки к небу). Сколько звезд, господи! Вон сверкает моя звезда, а вон там — его, и Симеона, и Питера, а там, вдали — Минни. И все мы — на одном небосклоне. Что, если я и впрямь поцелую ее. Она ласкова, как сегодняшняя ночь, глаза ее как звезды, у нее горячие губы, нежные руки, и пахнет она, как свежевспаханное поле. Она прекрасна, господи! Она прекрасна, и мне нет дела — грешила ли она до меня и с кем грешила. Разве грех не сладостен и каждый из нас разве не грешен перед тобой, господи?

(Уходит по дороге.)

Картина третья

Предрассветная тьма. Слева появляется Эбин. Ухмыляясь и что-то бурча себе под нос, направляется к крыльцу.

Эбин. Проклятый старый сквалыга! (*Слышно, как он вошел в дом, поднялся по лестнице и стучится в спальню братьев.*) Проснитесь!

Страница 4 из 21

Симеон (спросонья). Кто там?

Дверь распахивается, Эбин входит со свечой в руке. Освещается комната с покатым потолком. Она такая низкая, что только у задней стены можно стоять, выпрямившись во весь рост. Впереди большой топчан Симеона и Питера. Позади ложе Эбина.

Эбин (улыбается блаженно и похотливо). Это я!

Питер (зло). Какого черта...

Эбин. Ха! У меня есть кое-какие новости для вас.

Симеон (сердито). Мог бы их попридержать до утра.

Эбин. Да и так утро! Послушайте! Он снова женился.

Симеон и Питер (вместе). Кто? Отец?

Эбин. Взял себе особу лет этак тридцати пяти. Красивая, говорят.

Симеон (потрясен новостью). Брехня!

Питер. Кто тебе наболтал?

Симеон. Тебя разыграли, должно быть.

Эбин. За кого ты меня принимаешь? Вся деревня говорит! Эту новость принес проповедник из Нью-Довера. Наша новая мамаша из Нью-Довера, вот он все и знает. Он и сказал нашему проповеднику, что старик там женился.

Питер (ошеломлен). Ну и ну!

Симеон (вторя брату). Ну и ну!

Эбин (садится на кровать; с ненавистью). Разве он не порождение ада? Это все назло нам — проклятый старый осел!

Питер (задумчиво). Да... Теперь все перейдет ей.

Симеон. Точно. (*Понуро.*) Ну что ж, если так...

Питер (быстро). Видит бог — так, Сим. А в Калифорнии — золото. Незачем нам тут оставаться, Сим.

Симеон. Я как раз об этом и думаю. (*Решительно.*) А что, если сегодня же утром и отправимся? А? Чего тянуть?

Питер. Меня это устраивает.

Эбин. Вы, наверно, пешком хотите?!

Симеон (с издевкой). Мы с большей охотой полетели бы, если бы ты одолжил нам крылья.

Эбин. Но лучше всего, пожалуй, на пароходе. Не так ли? (*Извлекает из кармана помятый лист бумаги.*) Подпишите это, и сможете отправиться на пароход. Я давно заготовил эту бумагу на случай, если вы соберетесь на Запад. Каждый из вас получит по триста долларов, если вы согласны свою долю продать мне. Ну?

Симеон и Питер с недоверием смотрят на бумагу. Молчание.

Симеон (озадаченный). Если он женился, то ферма...

Питер. Пусть он лучше скажет — откуда у него столько денег?

Эбин (наигранно). А я знаю, где они спрятаны. Давно знаю, мне еще мама сказала. Она знала, где они лежат. Это ее деньги, от ее фермы, он припрятал их от матери. По праву они мои теперь!

Питер. Так где ж они спрятаны?

Эбин (задиристо). Ха! Там, где без меня вам не найти. Мама однажды проследила за ним, а то так бы и не узнала...

Пауза. Все трое обмениваются недоверчивыми взглядами.

Ну так как?

Симеон. Не знаю.

Питер. Не знаю.

Симеон (смотрит в окно). Светает.

Питер. Пока что разведи огонь, Эбин.

Симеон. И дай чего-нибудь пожрать.

Эбин (с наигранной сердечностью). За этим дело не станет. С пустым желудком топать в Калифорнию трудно. *(Идет к двери и многозначительно добавляет.)* Но вам не обязательно топать, вы можете и пароходом. Все зависит от вас. *(Останавливается в дверях и ждет.)* Братья смотрят на него.

Симеон (подозрительно). А где ты пропадал всю ночь?

Эбин (с вызовом). У Минни! *(Размеренно.)* Шел и помышлял сначала только так — о поцелуйчиках, а как вспомнил, что вы тут мне про него и про нее наговорили, — ну, думаю, Минни, покажу я тебе! Добрался до деревни — тут-то мне и преподнесли эти новостешки. Как узнал — совсем осатанел и бросился бежать к ней, уже ни о чем не думая. *(Прерывается. Затем нерешительно, но еще более вызывающе.)* Увидел ее и не поцеловал, не отколотил... Ревел, как телок, и ругался. Был как бешеный... Она совсем струхнула... а я сгреб ее, и она стала моей. *(Гордо.)* Я взял ее. Она могла быть ваша, его, но теперь она моя.

Симеон (сухо). Влюбился, что ли?

Эбин (высокомерно). Любовь! Этого мне еще не хватало!

Питер (подмигивает Симеону). Я так думаю — он тоже собрался жениться.

Симеон. Что ж, она будет преданной женой для всех сразу!

Симеон и Питер ржут.

Эбин. А мне-то что, была б пожарче да поласковей. Главное, что она не его, а моя! *(Уходя, задерживается в дверях; протестуя.)* Не такая уж она пропащая, — есть куда хуже, держу пари. Поглядим на эту корову, которую старик подцепил. Уж она-то переплюнет Минни, попомните меня!

Симеон (вдруг). А может, ты и ее тоже того...

Питер. Ха! *(Гнусно хохочет.)*

Эбин (плюет от омерзения). Тьфу! Ее... здесь... когда он будет спать с этой... и обкрадывать ферму моей матери! Да я уж скорее вонючку или гадюку поцелую. *(Уходит.)* Симеон и Питер подозрительно смотрят Эбину вслед, прислушиваются к его удаляющимся шагам. Пауза.

Питер. Пошел разводить огонь.

Симеон. Я бы предпочел смыться в Калифорнию, но...

Питер. Не выдумка ли это Минни? Не она ль его надоумила...

Симеон. Может, все это вранье насчет женитьбы. Лучше уж подождать и поглядеть на новобрачную.

Питер. Пока сами не убедимся, и подписывать ничего не будем.

Симеон. Да и насчет денег надо еще проверить! *(Улыбается.)* Ну а если старик и впрямь подцепил, продадим Эбину то, чего у нас никогда и не было.

Питер. Поживем — увидим. *(Неожиданно разбушевавшись.)* И пока он не вернется, — палец о палец не ударим! Пусть Эбин убивается, если хочет. Будем есть, пить и отдыхать вволю. И ко всем чертям эту проклятую ферму.

Симеон. Черт возьми, мы заслужили отдых! Хоть раз поиграем в богачей. Буду валяться в постели до самого завтрака.

Питер. Пока стол не накроют.

Симеон (после молчания, задумчиво). Какая она, наша новая мамаша? Как ты думаешь? Такая, как говорит Эбин? А?

Питер. Похоже!

Симеон. Тогда пусть она окажется дьяволом в юбке, чтоб ему захотелось поскорее помереть и провалиться в ад, где ему будет спокойнее.

Питер (с жаром). Аминь!

Симеон (подражая отцу). "А сейчас, подобно пророкам, отправляюсь узнать промысел божий, уготованный мне весной...". Готов поспорить, он уже тогда знал, что отправляется блудить, вонючий лицемер...

Картина четвертая

Кухня. Предрассветная синь. На столе зажженная свеча. Симеон и Питер заканчивают завтрак. Эбин сидит задумавшись, к еде он не притрагивался.

Питер (взглянув на Эбина, с некоторым раздражением). Думай не думай — что толку!

Симеон (с издевкой). Похоть покою не дает.

Питер. А Минни — что, у тебя первая?

Эбин (зло). Не твое дело! *(Пауза.)* Я о старике думаю. Сдается мне, что он близко где-то. Я чувствую, как чувствуешь приближение малярийного озноба.

Питер. Если он и появится, то не в такую рань.

Симеон. Как сказать! Может, он задумал поймать нас врасплох. Посмотреть, чем мы тут занимаемся.

Питер (инстинктивно поднимается со стула). Надо идти.

Симеон встает вслед за Питером. Оба тащатся к двери, но спохватываются.

Симеон. Дурак ты, Пит. А я и того хуже. Пусть видит, что мы не работаем.

Возвращаются к столу.

Питер. Правильно. Ну его к черту, пусть посмотрит, чем мы тут занимаемся.

Садятся. Эбин во все глаза смотрит то на Симеона, то на Питера.

Симеон (Эбину). Провались все пропадом!

Питер. Нечего вкалывать да пресмыкаться перед ним. Пусть катится ко всем чертям!

Симеон (Эбину). Ты говорил, что хотел бы быть единственным хозяином тут, — что же, можешь стать!

Питер. Вон коровы надрываются. Сходи лучше подои.

Эбин (радостно). А вы что — согласны подписать бумагу? Да?

Симеон (сухо). Может быть.

Питер. Может быть.

Симеон. Нам надо обдумать. *(Повелительно.)* А ты лучше иди потрудись.

Эбин (возбужденно). Теперь это опять мамина ферма! И моя! Мои коровы! Я буду сам, своими руками доить их! *(Уходит через дверь в глубине.)*

Симеон (после молчания). Вылитый отец.

Питер. Копия.

Симеон. Они перегрызут друг друга. Как собаки.

Эбин выходит на крыльцо, огибает угол дома. Небо начинает розоветь.

Эбин (останавливается у ворот и смотрит вокруг жадным и восхищенным взглядом). Красиво, черт возьми! До чего красиво! *(Поднимает глаза — будто бросая вызов небу.)* Моя ферма, слышишь? Моя! *(Поворачивается и идет вглубь, к коровнику.)*

Симеон и Питер закуривают трубки.

Симеон (кладет ноги в грязных ботинках на стол, откидывается на спинку стула и глубоко затягивается). А все же здесь здорово!

Питер. Да. *(Подражает действиям брата.)*

Пауза. Оба вздыхают.

Симеон (вдруг). А ведь он никогда не умел доить коров!

Питер (фыркнув). У него руки похожи на копыта.

Пауза.

Симеон. Ну-ка, достань-ка ту бутыль. Глотнем, что ли! Что-то внутри сосет!

Питер. Это мысль! *(Берет с полки бутыль, два стакана и наливает виски.)* За золото в Калифорнии.

Симеон. За удачу!

Они пьют, отдуваются, вздыхают, убирают ноги со стола.

Питер. Что-то не действует.

Симеон. Никогда так рано мы не прикладывались!

Молчание. Им явно не по себе.

Питер. Душно что-то тут!

Симеон (с облегчением). Пойдем подышим!

Они выходят, огибают дом, останавливаются у ворот и, онемев от восторга, смотрят на небо.

Питер. Красиво!

Симеон. Да.

Питер. Солнце, как и мы, спешит на золотой Запад.

Симеон (не в силах скрыть охватившее его вдруг волнение). Может, это последнее наше утро здесь.

Питер. Да, может быть!

Симеон (топнув ногой по земле и обращаясь к ней). Тридцать лет я

питал тебя своим потом и кровью. Тридцать лет зарыл я в тебе, потом и кровью полил каждый клочок твой, убивался. Холил и нежил. Навозом, прости господи, — вот чем был для тебя я.

Питер. Да и я тоже.

Симеон. Да, Питер, и ты. *(Вздыхает, затем сплевывает.)* Ладно! По разлитому молоку не плачут!

Питер. А на Западе — золото! И свобода, может быть. Здесь мы были пленниками этих каменных стен.

Симеон (с вызовом). Нищие и никакие не рабы мы больше. *(Помолчав, с беспокойством.)* Уж коли о молоке вспомнили, то как-то там у Эбина?

Питер. Наверно, доит.

Симеон. Наверно, надо б помочь. Хоть на этот раз.

Страница 6 из 21

Питер. Может, и надо. Коровы к нам привыкли.

Симеон. И любят нас. Они его мало знают.

Питер. Да. И лошади, и свиньи, и куры. Они его мало знают.

Симеон. Они знают нас, как родных, и любят. Это мы их поставили на ноги, мы их выходили.

Питер. Нет у нас теперь ничего!

Симеон (ему становится грустно). Я и забыл. *(Вздыхает.)* Ну что ж, давай хоть напоследок поможем Эбину, и ходу отсюда!

Питер. Давай.

Направляются к коровнику, но появляется Эбин, он, видимо, бежал, еле переводит дыхание.

Эбин (крайне возбужден). Они едут! Едут! Старый осел и его новобрачная. Я заметил их из коровника. Там внизу, за поворотом.

Питер. Как ты мог увидеть так далеко?

Эбин. Что я, как он, близорукий, что ли? И не узнаю нашу кобылицу и нашу коляску? Не различу двух людей в ней? А кто, кроме них, может... А потом я чувствую их приближение. *(Изнемогает от нетерпения.)*

Питер (сердито). Я не двинусь с места, пусть сам распрягает лошадь.

Симеон (тоже сердито). Надо поторапливаться. Собрать пожитки — да ходу, как только он объявится. Я не желаю входить в дом после его возвращения.

Направляются к дому.

Эбин (обеспокоен). Так вы подпишете бумагу до ухода?

Питер. Деньги — на бочку, тогда и подпишем.

Симеон и Питер поднимаются вверх укладывать вещи. Эбин торопливо входит на кухню, выглядывает из окна, затем подходит к плите и опускается на колени. Приподняв половицу, он извлекает холицовый мешочек, швыряет его на стол. Едва успевает привести все в порядок, как на пороге появляются братья. Каждый из них держит в руках по старому саквоюжу.

Эбин (кладет руку на мешочек). Подписали?

Симеон (показывает бумагу). Вот. *(Кивает на стол.)* Деньги?

Эбин (высыпает деньги на стол). Здесь тридцать монет по двадцать долларов. Считайте.

Питер (перебирает монеты, одну-две пробует на зуб, составляет из

них столбики). Шесть сотен. Ровно. *(Сбрасывает столбики в мешочек и заботливо прячет его за пазуху.)*

Симеон (протягивает Эбину бумагу). Держи.

Эбин (взглянув на бумагу, бережно складывает ее, также прячет за пазуху). Спасибо.

Питер. И тебе спасибо.

Симеон. На рождество мы пришлем тебе кусочек золота.

Симеон и Питер топчутся на месте, не решаясь уйти.

Питер. Ну, мы пошли.

Симеон. Ты выйдешь нас проводить?

Эбин. Нет. Я их встречу здесь.

Братья нерешительно направляются к двери и останавливаются.

Симеон. Тогда прощай.

Питер. Да, Эбин, прощай.

Эбин. Прощайте.

Симеон и Питер уходят. Эбин садится за стол, извлекает бумагу, поворачивается к печке и рассматривает ее. На лице его, освещенном солнцем через окно, — выражение отрешенности. Губы шевелятся — он читает. Тем временем Симеон и Питер выходят через ворота.

Питер. Там, у коровника, он распряжет...

Симеон (посмеиваясь). Держу пари, — он, как всегда, не в духе.

Питер. И она — рядом. Тут как тут.

Симеон. Давай подождем и посмотрим, какая она, наша новая мамаша?

Питер (усмехаясь). И поцелуем его на прощанье?

Симеон (тоже смеясь). Ноги мои готовы пуститься в пляс. Смех так и распирает меня.

Питер. И меня тоже.

Симеон. Думаешь, это потому, что мы выпили?

Питер. Нет. Ноги сами так и просятся идти и идти, прыгать и...

Симеон. Танцевать?

Пауза.

Питер (в замешательстве). Прямо удивительно!

Симеон (лицо его светится). Уроки кончились — начались каникулы. В первый раз мы свободны!

Питер. Даже не верится.

Симеон. Узда лопнула, преграды пали, каменные стены рухнули. Делай что хочешь!

Питер (глубоко вздохнув, риторически). Плевать мне, кому достанется эта проклятая ферма, эти груды камней. Берите, нам не надо!

Симеон (снимает калитку с петель). Мы уничтожим эту калитку и все калитки на свете.

Питер. Мы заберем ее с собой и по дороге сбросим в реку — на счастье, пусть плывет.

Слышен стук копыт, скрип колес. Симеон и Питер замирают на месте.

Входят Эфраим Кэбот и Абби Патнэм.

Эфраиму Кэботу семьдесят пять лет. Он высок, сухощав, жилист, в нем чувствуется большая сила, только тяжелый труд несколько ссутулил его. У него суровое, как бы высеченное из камня лицо, но что-то выдает в нем слабость и мелочное тщеславие. Маленькие, близко посаженные глаза постоянно сощурены, их взгляд цепок и пристален: Кэбот близорук. На нем глухой черный выходной костюм.

Абби Патнэм миловидная, полная сил женщина лет тридцати пяти. У нее круглое красивое лицо. Но его портит явная чувственность. Очертания рта подчеркивают внутреннюю силу и упрямство характера. Взгляд решителен. Но на всем ее облике лежит та же печать неустойчивости, непокорности и затравленности, что и на Эбине.

Кэбот (подавляя охватившие его чувства; сухим надтреснутым голосом). Вот мы и дома, Абби.

Абби (со страстью). Дома! *(Взглядом обшаривает дом, не замечая застывших в стороне Симеона и Питера.)* Красиво! Даже не верится, что этот дом — мой.

Страница 7 из 21

Кэбот (резко). Твой? Мой! *(Пристально смотрит на Абби — она выдерживает его взгляд. Смягчившись.)* В крайнем случае — наш. Я чувствовал себя одиноким здесь. Особенно весной. Этому дому нужна женщина.

Абби (она совладала со своим голосом). А женщине нужен дом!

Кэбот (кивает неопределенно головой). Так. *(Вдруг раздраженно.)* Куда все пропали? Почему так тихо? Почему они не работают?

Абби (замечает братьев. Встретив их холодный, оценивающий взгляд, говорит медленно). Вон два борова у ворот глазают на меня, вместо того чтобы работать.

Кэбот (напрягая зрение). Это кто? Кажется...

Симеон. Это я — Симеон.

Питер. А это я — Питер.

Кэбот (взрываясь). Почему не работаете?

Симеон. Мы вышли приветствовать тебя, отец. Тебя и новобрачную.

Кэбот (несколько смущенно). А? Да-да... Это ваша новая мать, мальчики.

Она смотрит на братьев, они на нее.

Симеон (отворачивается и презрительно сплевывает). Вижу.

Питер (следует примеру брата). Я тоже.

Абби (с чувством превосходства). Я пойду. Мне не терпится осмотреть мой дом. *(Медленно уходит по тропе.)*

Симеон (с издевкой). Ее дом!

Питер (вслед Абби). Если там встретите Эбина, поостерегитесь говорить ему, что дом ваш!

Абби (вызывающе). Эбин! И Эбину скажу!

Кэбот (с презрительной усмешкой). Эбин придурок, ты не обращай на него внимания, весь в мать!

Симеон (язвительно смеется). Ха! Он весь в тебя, старик. Точная копия, твердый орешек. Он перегрызет тебе горло, дай срок!

Кэбот (повелительно). А ну, за работу!

Симеон (после ухода Абби подмигивает Питеру; насмешливо). Ну, Питер, как тебе нравится наша новая мамаша? Где ты ее подцепил, старик?

Симеон и Питер смеются.

Питер. Ты напрасно впустил ее в дом. Ее надо было пустить в хлев. Одной свиньей больше.

Симеон и Питер шлепают себя по ляжкам и покатываются со смеху.

Кэбот (так опешил от их наглости, что заикается). Симеон! Питер! Вы что-о?.. Вы пьяны?

Симеон. Мы свободны! Мы не нуждаемся ни в тебе, ни в этой проклятой ферме!

Питер. Мы уходим. Нас ждут золотые россыпи Калифорнии.

Симеон. Можешь хоть спалить все тут.

Питер. Пропади все пропадом.

Симеон. Мы свободны, старик. *(Куражится.)*

Питер (приплясывая). Свободны!

Симеон и Питер, издавая нечленораздельные звуки, затевают вокруг Кэбота дикий танец индейцев. Кэбот разъярен, однако опасается — не сошли ли они с ума.

Симеон. Мы свободны. Радуйся, что мы не скальпируем тебя!

Питер. Не поджигаем твою ферму и не убиваем скот!

Симеон. И не насилуем твою новую жену. У-оп!

Они в изнеможении останавливаются, хохочут.

Кэбот (сторонясь их). Помешались на золоте. Погубит оно вас, только грех от него.

Симеон (насмешливо). А может, ты хочешь, чтобы мы прислали тебе этого самого золота? Признавайся, старый греховодник, хочешь, а?

Питер. Золото есть не только в Калифорнии. *(Отходит в сторону, чтоб старик его не видел, извлекает из-за пазухи мешочек с золотыми монетами, подбрасывает в воздух.)*

Симеон. И не без следов греха также!

Питер. Мы сядем на пароход. У-оп!

Симеон. И поплывем навстречу свободе. У-оп!

Кэбот (в ярости кричит). Будьте вы прокляты!

Симеон. Мы не боимся твоих проклятий. У-оп!

Кэбот. Я упрячу вас в дом умалишенных!

Питер. Прощай, скряга!

Симеон. Кровопийца, прощай!

Кэбот. Вон отсюда!

Питер. У-оп! *(Поднимает с земли камень.)*

Симеон (следует примеру брата). Мамаша, должно быть, в гостинной.

Питер. Раз-два...

Кэбот (в страхе). Опомнитесь!

Питер. Три!

Симеон и Питер одновременно швыряют камни в окно гостинной, — стекло разлетается вдребезги.

Кэбот (в ярости). Я доберусь до вас и переломаю вам кости!

Те отступают перед ним, дурачась. Они скрываются за воротами, преследуемые Кэботом. Симеон уходит, унося под мышкой калитку. Кэбот возвращается, бессильный гнев душит его.

Голоса Симеона и Питера из-за ворот. Они поют песню золотоискателей на мотив старинной песни "О Сюзанна!"

"Вперед чрез горы и моря,
Там золото нас ждет.
В лотке намочит кто его —
Тот счастье обретет.
О Калифорния,
Любимая моя!
К тебе, о Калифорния,
Душой стремлюся я".

На втором этаже, в спальне справа открывается окно, и выглядывает Абби.

Абби (смотрит на Кэбота; с удовлетворением). Слава богу, мы видим их, кажется, в последний раз.

Тот не отвечает. (Продолжает тоном собственницы.) Здесь очень мило. Чудесная кровать. Это моя комната, Эфраим?

Кэбот (не поднимая головы, мрачно). Наша.

Она не может скрыть гримасу отвращения и захлопывает окно. (Неожиданно его пронзает мысль.) Они что-то натворили. Может, отравили скот. Или еще что-либо. (Сорвавшись с места, бежит к коровнику.) Дверь на кухню отворяется, входит Абби. Эбин сидит задумавшись. Она останавливается в дверях, смотрит на Эбина, оценивая его. Его молодость и приятная внешность пробуждают в ней смутное желание. Почувствовав присутствие постороннего человека, Эбин поднимает голову. Их взгляды встречаются. Эбин вскакивает, молча и сердито смотрит на нее.

Страница 8 из 21

Абби (самым очаровательным голосом). Тебя зовут Эбин, не так ли? А я — Абби. (Улыбается.) Что ж, я твоя новая мать, Эбин.

Эбин (зло). Будьте вы прокляты!

Абби (игнорируя его слова). Твой отец много рассказывал о тебе...

Эбин. Ха!

Абби. Не надо на него сердиться, он старый человек.

Долгая пауза. Они смотрят друг на друга.

Я не хочу разыгрывать перед тобой мать, Эбин. (Восхищаясь.) Ты такой большой, сильный. Мне хотелось бы быть твоим другом. Может быть, тогда тебе будет легче дышаться в этих стенах. Я даже попытаюсь наладить твои отношения с отцом. (С сознанием собственной власти.) Он мне ни в чем не откажет.

Эбин (горько усмехнувшись). Еще бы!

Они смотрят друг на друга. (Отводит глаза в сторону, он смущен. Боится попасть под влияние этой женщины, и в то же время понимает, что не в силах ее игнорировать: она, безусловно, привлекательна. Поэтому он кричит.) Убирайтесь к черту!

Абби (спокойно). Что ж, оскорбляй меня, если это доставляет тебе удовольствие. Ни на что другое я и не рассчитывала. Но я ни в чем тебя не виню. Будь на твоём месте, я, вероятно, испытывала бы то же самое. Если бы какая-то женщина захотела занять место моей матери... *(От нее не ускользает, что упоминание о матери заставляет Эбина вздрогнуть.)* Ты ее очень любил, должно быть. Я была совсем ребенком, когда лишилась матери. Я ее почти не помню. *(Пауза.)* Ну и неприязнь, я думаю, скоро пройдет. Бывают и хуже меня, а у нас к тому же много общего. Я как только взглянула на тебя — сразу это поняла. У меня была трудная жизнь — одни несчастья, и ничего взамен. Кроме работы. Осиротев, я должна была работать по чужим домам. Потом вышла замуж, он оказался алкоголиком, и мне опять пришлось идти по чужим домам. Потом умер ребенок, и мне казалось, что жизнь кончена. А когда умер муж, я даже обрадовалась, — я снова обрела свободу, но вскоре поняла, что свободна я лишь спину гнуть в чужих домах. И уже потеряла надежду когда-нибудь трудиться в собственном доме. А потом... Потом явился твой отец.

Во двор медленно входит Кэбот, смотрит на дорогу, по которой ушли сыновья. Прислушивается, — издалека слышна песня о Калифорнии. Кулаки его сжаты, лицо сурово, полно злобы.

Эбин (борясь с растущим влечением и симпатией, говорит резко). Он явился и купил вас, как покупают проститутку.

Кровь бросается ей в лицо, обида душит ее. Рассказывая о своей жизни, она увлеклась и была искренна. И тем обиднее ей сейчас.

А цена какова? На чем сошлись? Что он дает? *(С яростью.)* Ферму? Ферму моей матери, будьте вы прокляты. Но она моя!

Абби (насмешливо). Твоя? Ну, мы это еще посмотрим! *(Вдруг.)* А что, если мне на самом деле нужен дом? Мой дом! А ради чего б я пошла за такого старика!

Эбин (удовлетворенно). Я передам ему. Слово в слово.

Абби (улыбаясь). А я скажу, что ты лжешь, он мне поверит. И выгонит тебя отсюда.

Эбин. Вы дьявол!

Абби (торжествуя). Это моя ферма... это мой дом... это моя кухня...

Эбин (в ярости готовый ударить ее). Заткнитесь!

Абби (подходит к нему вплотную; ее лицо и тело выражают неприкрытое желание; медленно). А наверху — моя спальня, и там — моя кровать.

Эбин сбит с толку, растерян. (С обезоруживающей откровенностью.) Я никому не желаю зла... кроме врагов. Но если надо, я умею постоять за себя. *(Дотрагиваясь до его руки.)* Будем друзьями, Эбин.

Эбин (стоит перед ней как загипнотизированный. Затем, как бы опомнившись, отдергивает руку). Нет, старая ведьма. Я ненавижу вас! *(Убегает.)*

Абби (смотрит ему вслед, удовлетворенно). Ах, как хорош! *(Переводит взгляд на стол; с гордостью.)* Что ж, примемся за мытье посуды. *(Улыбается.)* Моей посуды.

Эбин выходит из дому, хлопнув дверью. Останавливается, заметив отца. Взгляд его выражает ненависть.

Кэбот (простирая руки к небу, не в силах сдержать ярость). Бог, всемогущий бог, покарай непокорных моих сыновей!

Эбин (кричит). Ты! И твой бог! Всегда проклинали людей, всегда придираетесь к ним.

Кэбот (не обращая внимания на Эбина). Я взываю к тебе, заступник сирых

и покинутых!

Эбин (насмешливо). Иди к черту со своим богом.

Кэбот резко поворачивается, смотрит на Эбина. Они стоят друг против друга.

Кэбот (неприязненно). Вот ты, оказывается, какой! Я должен был бы знать. *(Грозит пальцем.)* Богохульствуешь, придурок?! Почему не работаешь?

Эбин. А почему ты не работаешь? Они ушли, я один. Я не могу работать за всех.

Кэбот (с презрением). Ты вообще ничего не можешь. Я хоть и стар, но таких, как ты, десятка стою! Из тебя никогда не получится мужчина. *(Повелительно.)* Ну-ка, пошли в хлев, пошевеливайся!

Отец и сын уходят. С другого конца деревни ветер доносит обрывки песни о Калифорнии.

На кухне Абби моет посуду.

Занавес

Действие второе

Картина первая

Спустя два месяца. Жаркий воскресный полдень. Абби в нарядном платье сидит на крыльце в качалке. Она лениво раскачивается взад-вперед, обессилив от жары, опустив руки и полускрыв глаза.

Страница 9 из 21

Эбин высовывается из окна своей комнаты. Он прислушивается, есть ли кто на крыльце? И, хотя он очень осторожен, Абби догадывается о его присутствии. Она перестает раскачиваться и замирает в ожидании. Эбин недоволен, и прежде всего тем, что не может не думать о ней, сплевывает и возвращается в комнату.

Абби не в силах унять охватившее ее волнение. Затаив дыхание, она слушает, что делается в доме. Наконец на крыльце появляется Эбин. Их глаза встречаются. Эбин смущен, отворачивается и с силой хлопает дверью. Он хмурится, проходит мимо, стараясь не замечать ее. Одет он в воскресный костюм, свежесбрив, лицо его блестит от воды и мыла. Когда он проходит мимо Абби, она наклоняется вперед и смеется зло и откровенно.

Эбин (уязвленный, оборачивается к ней; с раздражением). Чего это вы раскудахтались?

Абби (торжествуя). Тебя увидела!

Эбин. Что во мне смешного?

Абби. Ты такой вылизанный, как бык на выставке.

Эбин (насмешливо). А сами-то вы не бог весть что!

Смотрят друг другу в глаза. Они захлестнуты внезапным порывом страсти.

Абби (мягко). Ты же так не думаешь. Может, ты и хотел бы, да не выходит. Это

против природы! С самого первого дня, как мы встретились, ты борешься с ней, все стараешься убедить себя, что я не нравлюсь тебе. *(Не сводя с него глаз, тихо смеется и умолкает. Затем, страстно поводя бедрами, шепчет.)* Разве солнце уже остыло и не светит? Ты же чувствуешь, как оно опалает землю. Заставляет расти все вокруг, тянуться к нему. Опалило оно и твою душу, пробудило желание тянуться... Слиться с кем-нибудь. Ты противишься, но природа берет свое, заставляет тебя, как эти деревья, как эти вязы, стремиться к кому-нибудь.

Эбин (пытается освободиться от ее чар; смущенно). Если бы отец слышал ваши слова... *(Резко.)* Впрочем, вы так заморочили старику голову...

Абби (смеется). Разве тебе не легче от того, что он стал мягче?

Эбин (с вызовом). Нет. До сих пор я боролся с ним одним, теперь — и с ним и с вами. Я должен отстоять права моей матери — мои права на этот дом. *(Освободившись от ее чар, распаляется.)* Меня вам не одурачить. Вы хотите заграбастать все и сделать своим. Вы убедитесь, что я — орешек не по вашим зубам. *(Отворачивается с усмешкой.)*

Абби (пытаясь восстановить власть над ним, вкрадчиво). Эбин...

Эбин (направляясь к двери). Нам не о чем говорить.

Абби (повелительно). Эбин!

Эбин (останавливается, грубо). Что вам надо?

Абби (стараясь скрыть растущее волнение). Куда ты идешь?

Эбин (с нарочитым безразличием). Погулять.

Абби. В деревню?

Эбин (беззаботно). Возможно.

Абби. К Минни?

Эбин. Возможно.

Абби (побеждена). Зачем она тебе?

Эбин (мстительно). Мы ж не можем одолеть природы, так, кажется? *(Смеется, хочет идти.)*

Абби (взрываясь). Отвратительная старая потаскуха!

Эбин (усмехаясь). Она красивее, чем вы!

Абби. Каждый пьяница в округе может провести с ней ночь.

Эбин. Может быть. И все равно она лучше вас.

Абби (повысив голос). Не смей сравнивать!

Эбин. По крайней мере она не присваивает себе то, что принадлежит мне.

Абби. Тебе? Ты хочешь сказать, что моя ферма принадлежит тебе?

Эбин. Да. Ферма, за которую вы продались, старая шлюха, — моя ферма.

Абби (разъярена). Эта ферма никогда не будет твоей.

Никогда. *(Кричит.)* Убирайся с моих глаз! Убирайся к своей потаскухе — позор на наши головы! Ты заставишь меня сказать отцу, чтобы он тебя выгнал. Ты здесь только потому, что я терплю тебя, понял? Убирайся! Один твой вид отвратителен мне. *(Замолкает. Задыхаясь от злобы, свирепо смотрит на него.)*

Эбин (отвечает тем же взглядом). И вы мне отвратительны. *(Уходит.)*

Она провожает его взглядом, полным ненависти.

С заднего двора, где находится хлев, выходит Кэбот. Он очень изменился. В глазах его появилась какая-то странная мечтательность, весь его облик стал мягче, добродушнее. И в то же время от его физической усталости не осталось и следа, он словно помолодел. Абби видит его и отворачивается с отвращением.

Кэбот (медленно подходя к Абби). Опять вы с Эбином ссорились?

Абби (кратко). Нет.

Кэбот. Но вы говорили довольно громко. *(Садится на ступеньку крыльца.)*

Абби (поспешно). Если слышал, зачем же спрашиваешь?

Кэбот. Я слышал голоса, но не разобрал слов.

Абби (с облегчением). Бог с ним, не стоит говорить...

Кэбот (помолчав). Он странный.

Абби (с горечью). Он весь в тебя.

Кэбот (заинтересован). Ты находишь? *(Пауза.)* Мы всегда не ладили — я и Эбин. Я недолюбливал Эбина за его кротость.

Абби (презрительно). Ха! Он так же кроток, как и ты.

Кэбот (отвечая на свои мысли). Может быть, я был с ним слишком суров.

Абби. Зато ты сейчас мягок. Мягок, как дерьмо. Так он сказал.

Кэбот (помрачнев). Он так сказал? Ну, лучше ему меня не злить...

Пауза. Она все еще смотрит в сторону. (Смягчается. Смотрит на небо.) Красиво, а?

Абби (зло). Небо как небо. Ничего особенного.

Страница 10 из 21

Кэбот. Небо. Оно теплое, как свежеспаханное поле.

Абби (с сарказмом). Уж не собираешься ли приобрести там еще одну ферму?

Кэбот (сдержанно). Я хотел бы там иметь свое место. Я старею, Абби.

Пауза. Она смотрит на него озадаченно.

В доме всегда холодно, даже в самую жару. Холодно, а?

Абби. Не заметила.

Кэбот. В коровнике тепло, и запах там хороший. С коровами тепло. *(Пауза.)* И коровы странные.

Абби. Странные. Как ты.

Кэбот. Как Эбин. *(Пауза.)* Я, кажется, смиряюсь с Эбином, как примирился с его матерью. С ее кротостью. Думаю, я бы с ним поладил, не будь он придурком. *(Пауза.)* Похоже, старость одолевает.

Абби (безжалостно). Не причитай, ты же еще не умер.

Кэбот (как бы очнувшись). Нет, черт возьми. Я еще крепок и вынослив, как орешник. *(Пауза.)* Но после семидесяти господь велит готовиться. Вот почему я думаю о Эбине. Теперь, когда его грешные братья отправились по дороге в ад, не осталось никого, кроме Эбина.

Абби (обиженно). А я? Что это ты вдруг так полюбил Эбина? Почему ты ни слова не говоришь обо мне? Разве я тебе не законная жена?

Кэбот (просто). Да, ты жена. *(Пауза. Смотрит на нее, и глаза его становятся алчными, хватает ее руки сжимает их и говорит как проповедь.)* Роза ты моя саронская! Как прекрасна ты; глаза твои голубиные, губы твои как лента алая; два сосца твои — как два козленка; живот твой — круглая чаша, чрево твоё — ворох пшеницы... *(Целует ее руки.)*

Абби (словно не замечает его, сидит, зло уставившись перед собой, затем отдергивает руки; сурово). Так, значит, ты хочешь ферму оставить Эбину? Я тебя правильно поняла?

Кэбот (изумленно). Оставить? Я ее никому не собираюсь оставлять.

Абби. Но ты же не можешь забрать ее с собой?

Кэбот (после раздумья, нехотя). Не могу. Думаю, что не могу. *(Умолкает, а затем неожиданно горячо.)* А если б мог — забрал бы, клянусь всевышним. Или поджег бы в самый последний час и смотрел, как горит. Спалил бы дом, посевы, деревья, все до последней былинки. По крайней мере знал бы, что все погибло со мной, и никому не достанется то, что я потом и кровью здесь создал. *(Помолчав, продолжает с некоторой отрешенностью.)* Коровы... Вот только коров я бы отпустил на свободу.

Абби (резко). А меня?

Кэбот (улыбаясь). И тебя отпустил бы.

Абби (в бешенстве). Так вот какова твоя благодарность за мое согласие стать

твоей женой. Что-то ты подобрел к Эбину, который ненавидит тебя. А меня грозишься вышвырнуть на улицу!

Кэбот (поспешно). Послушай, Абби. Ты же знаешь, что нет у меня такого намерения.

Абби (мстительно). Нет, позволь уж мне сказать пару слов! Ты знаешь, куда он ушел? Он отправился к Минни, этой шлюхе. Я пыталась его отговорить, но безуспешно. Он позорит и тебя и меня.

Кэбот (несколько виновато). Он грешник, такой уж уродился. Похоть пожирает его.

Абби (приходя в ярость, мстительно). Поэтому и мне проходу не дает. Может, ты простишь ему и это?

Кэбот (после паузы, тихо). Пристает к тебе?

Абби (с вызовом). Только что лип тут! Потому-то мы и ссорились.

Кэбот (смотрит на нее, злоба искажает его лицо. Вскакивает, весь трясется от ярости). Я прикончу его, бог мне судья!

Абби (боясь за Эбина). Не надо, не надо!

Кэбот (в неистовстве). Я размозжу ему голову!

Абби (подходит к нему, обнимает). Нет, Эфраим, нет!

Кэбот (отталкивает ее). Я это сделаю, клянусь богом.

Абби (спокойно). Послушай меня. Он просто валял дурака, шутил... Ничего серьезного. Шутил, и все.

Кэбот. Ты же сказала — проходу не дает.

Абби. Ну, я это так уж, очень я обозлилась, когда подумала, что ферму ты оставишь ему.

Кэбот (немного смягчившись). Я всыплю ему кнутом, если ты этого хочешь, и выгоню.

Абби (берет его за руку). Не беспокойся, я могу постоять за себя. Не надо его выгонять. Это неразумно, в конце концов. Кто тебе будет помогать в работе, ведь ты один.

Кэбот (задумывается, затем одобрительно кивнув). Что ж, это по-деловому, голова у тебя варит. *(Раздраженно.)* Пусть остается, ладно! *(Садится на ступеньку лестницы.)* Абби опускается рядом. *(Бурчит презрительно.)* Черт с ним, с этим глупым телком! Но вот в чем загвоздка — кто же будет работать на ферме, когда господь призовет меня? Симеон и Питер отправились в самое пекло, Эбин, того гляди, побежит за ними.

Абби. Ты забыл меня.

Кэбот. Ты женщина.

Абби. Я твоя жена.

Кэбот. Не то. Сын — это моя кровь. Плоть от плоти. Мое, перешедшее моему, продолжает принадлежать мне. Даже если меня зароят в яму глубиной в шесть футов. Понимаешь?

Абби (с ненавистью). Да. Понимаю. *(Прищурившись, долго смотрит на него, изучает.)*

Кэбот. Я становлюсь стар. Но я еще крепок, как орех, и у меня еще много лет впереди. Клянусь, любому молодому я готов дать фору.

Абби (вдруг). Может быть, господь бог пошлет нам сына?

Кэбот (круто поворачивается и жадно смотрит на нее). Сына? Нам с тобой?

Абби (льстиво). Ты еще сильный мужчина, Эфраим. Разве у нас не могут быть дети? Что в этом удивительного? Что устался на меня, как будто сам не думал об этом? А я все время мечтаю о сыне. И молю бога, чтоб у нас он родился.

Кэбот (лицо его озаряется радостью). Молишься? Ты? Ты хочешь, чтобы у нас был сын?

Абби (подчеркнуто, решительно). Да. Я хочу, чтобы у нас был сын.

Кэбот (хватает ее за руки). Это будет благословением бога, всемогущего бога — в моем возрасте, в моем одиночестве. Я сделаю ради тебя все, Абби, все, что ты попросишь. Ты только попроси...

Абби (перебивая). И ферму завещаешь мне... и...

Кэбот (страстно). Я же сказал — все, что попросишь, клянусь! Пусть я буду гореть в аду, если нарушу клятву. *(Становится на колени и заставляет ее сделать то же самое. Он полон надежды, его бьет дрожь.)* Помолись еще, Абби. Сегодня воскресенье. Будем молиться вместе. Две молитвы дойдут быстрее, чем одна. И господь услышал Рахиль, и она зачала и родила сына. Господь услышит Абби... Молись, Абби. Молись, чтобы он услышал. Молись. *(Склоняет голову, бормоча слова молитвы.)* Абби, делая вид, что молится, бросает на него взгляд, полный насмешки и победы.

Картина вторая

Восемь часов вечера. Спальня Кэбота и Абби. Слева спальня Эбина.

Эбин в нижней рубашке, босой, сидит на кровати, подперев подбородок кулаками. Он угрюм и сосредоточен, в лице какая-то безнадежность. За перегородкой — Кэбот и Абби; они рядом сидят на краешке кровати под пологом, на них ночные рубашки. Он все еще в странно-возбужденном настроении — мысль о сыне не дает ему покоя. Комнаты освещены мерцающим пламенем свеч.

Кэбот. Ферме нужен сын.

Абби. И мне нужен.

Кэбот. Иной раз мне кажется, что ты и ферма — одно целое. Я одинок, поэтому и тянусь к тебе. **(Стучит кулаком по колену.)** От нас — меня и фермы — ты родишь сына.

Абби. Лучше спи. Ты начинаешь заговариваться.

Кэбот (нетерпеливо). Нет, голова у меня ясная. Ты меня не знаешь, потому так и говоришь. *(Безнадежно смотрит в пол.)*

Абби (безразлично). Может быть.

В соседней комнате Эбин встает, рассеянно ходит взад-вперед. Абби сразу же прислушивается. Эбин останавливается, смотрит на перегородку. Можно подумать, что Абби и Эбин видят друг друга сквозь перегородку. Он, как загипнотизированный, протягивает руку, — Абби поднимается с кровати.

Вдруг, как бы очнувшись, он, ругая себя, бросается на постель, прячет лицо в подушку. Абби облегченно вздыхает, опускается на кровать, однако продолжает смотреть на перегородку, внимательно прислушиваясь к каждому шороху из комнаты Эбина.

Кэбот (вдруг поднял голову, смотрит на нее, говорит презрительно). Поймешь ли ты меня когда-нибудь? Найдется ли такой человек, который поймет меня? *(Качая головой.)* Вряд ли. Скорее всего, нет. *(Отворачивается. Не глядя на Абби, кладет руку ей на колено.)* Она вздрагивает, зло смотрит на него. Увидев, что он продолжает смотреть в сторону,

вновь обращает взор к перегородке. *(Не в состоянии думать про себя, вновь заговаривает с ней.)* Слушай, Абби.

Она не обращает на него внимания.

Прошло полвека с тех пор, как я пришел сюда, мне было тогда двадцать лет, и я был самым сильным и твердым — из всех, кого ты когда-либо встречала. В десять раз сильнее Эбина. Здесь было голое место, одни камни. Надо мной люди смеялись, когда я решил здесь остаться. Но то, что знал я, не знали они. Если ты сможешь сделать так, чтобы из камня проросли колосья, — в тебя вселится бог. Они были слабы для этого. И бога считали слабым. Смеялись! Теперь они больше не смеются. Одни умерли неподалеку отсюда, другие уехали на Запад и умерли там. Перемерли все. Они искали легкой наживы, а бог силен и любит только сильных. *(Медленно качает головой.)* Я стал суровым, а про меня говорили: "Он жестокий человек". Будто это грех — быть жестоким! И я ответил им: "Что ж, тогда, клянусь громом, я стану жестоким, и посмотрим, как это вам понравится". *(Вдруг.)* Но однажды я смалодушничал. Это произошло года через два, как я здесь поселился. Я устал и отчаялся от камней. Люди один за другим уходили на Запад. И я решил уйти с ними. Мы шли день и ночь, все дальше и дальше. И наконец достигли земель черных, как уголь, и богатых, как золото, нигде ни камня. Только паши и сей, да сиди покуривай трубочку, ожидая, когда придет время снимать урожай. О, я мог легко разбогатеть! Но, какой-то внутренний голос мне все время твердил: "Все это не для тебя, не для тебя. Вернись назад, вернись". Я испугался этого голоса... и — домой; ушел, урожай бросил, забирай кто хочет! Оставил то, что принадлежало мне! Бог — он суровый, а не мягкий. Он в камнях. "Построй на скале церковь из камней, в них буду — я", — вот что он говорил святому Петру. *(Тяжело вздыхает. Пауза.)* Камни. Я собирал их и складывал из них стены. Вся историю моей жизни можно прочесть в этих стенах. Каждый день, год за годом я таскал их и огораживал свои поля, которые заставлял родить! Так повелел господь, и я был орудием в его руках. Это было нелегко, но господь закалил меня. Все время я был одинок. Но вот женился. На свет появились Симеон и Питер. Двадцать лет я прожил с женщиной, которая меня не понимала. Она была хорошей женой, работала не покладая рук, но не понимала, во имя чего работает. Я был всегда одинок. Когда она умерла, я почувствовал себя менее одиноким. *(Пауза.)* Я потерял счет годам, — у меня не оставалось времени считать их. Сим и Питер помогали мне, ферма постепенно росла. Она принадлежала мне. Только мне. Когда я думал о ферме — не чувствовал одиночества. Но нельзя же все время думать об одном и том же. *(Пауза.)* Я женился во второй раз, — жена родила Эбина. Ее родные оспаривали мои права на ферму. На мою ферму. Вот почему Эбин то и дело заводит дурацкий разговор, что ферма принадлежит его матери. Глупые слова! Она была красива, но уж очень мягка. И она ни в чем не понимала меня. Она пробовала стать твердой, но не смогла. С ней мне было еще более одиноко. Через шестнадцать лет она умерла. *(Пауза.)* Я остался с мальчиками; они ненавидели меня за то, что я был тверд, а я их за то, что они были мягкими. Ничего еще не смысла, они требовали от меня ферму. Они требовали то, что принадлежало мне. Все это обидело меня, ожесточило и состарило. Они требовали того, что я создавал для себя. *(Смотрит на Абби.)* Этой весной я вновь услышал голос бога. Бог пожалел меня в моем одиночестве, он сказал: "Иди, ищи и обрящешь". *(Поворачивается к ней.)* Я искал тебя и обрел, Абби. Ты моя роза саронская!..

Страница 12 из 21

Она поворачивает к нему холодное лицо и зло смотрит на него. (Застывает на миг, затем грубо.) Уразумела хоть что-нибудь из моего рассказа?

Абби (обескураженно). Кажется.

Кэбот (отталкивает ее). Ты ничего не поняла и никогда не поймешь. Только сыном ты можешь откупиться, — иначе...

Абби (зло). Разве я не молюсь?

Кэбот (с горечью). Молись еще!

Абби (спокойно, почти угрожающе). Хорошо. Я рожу сына. Я тебе обещаю.

Кэбот. Разве такие вещи обещают? Кто знает наперед...

Абби. А я, может, ясновидящая. Я, может, могу предвидеть. *(Странно улыбается.)*

Кэбот. Кто знает! — может, и ясновидящая. Иной раз ты заставляешь меня холодеть. *(Вздрагивает.)* Холодно в этом доме. Холодно и одиноко. Мне все время кажется, что в углу кто-то шевелится. *(Встает, натягивает штаны и обувает ботинки.)*

Абби (удивленно). Куда ты?

Кэбот. Туда, где тепло и спокойно. Пойду к коровам. *(С горечью.)* Я с ними разговариваю, они меня понимают. Они знают ферму, знают меня. После беседы с ними я успокаиваюсь.

Абби (с некоторым испугом). Тебе нездоровится, Эфраим?

Не отвечая, Кэбот уходит, гремя ботинками. Эбин садится на кровать, прислушивается. Абби смотрит на перегородку. Кэбот выходит из дома, огибает угол, останавливается у ворот и смотрит на небо.

Кэбот (простирая руки). Господь всемогущий, отзовись из темноты. *(Прислушивается как бы в ожидании ответа и, не дождавшись, опускает руки, качает головой и медленно бредет к коровнику.)*

Эбин и Абби продолжают смотреть на перегородку. Эбин тяжело вздыхает, Абби отзывается как эхо. Они очень взволнованы. Наконец Абби встает, подходит к перегородке и прикладывает ухо. Эбин встревожен. Абби отходит от перегородки, направляется к двери. Взгляд Эбина безошибочно следует за ней, как будто он видит ее через перегородку. Дверь в комнату Эбина бесшумно открывается, входит Абби. Он застыл в напряженном ожидании. Она с секунду смотрит на него, затем, легко вскрикнув, подбегает к нему, обнимает и покрывает его лицо поцелуями. Очнувшись от оцепенения, он обнимает Абби и сам целует ее. Вдруг отстраняет ее и резко вскакивает на ноги. Охваченные страстью, затаив дыхание, они молча стоят друг против друга.

Абби (с болью). Зачем так, Эбин! Не сторонись! Ты будешь счастлив со мной.

Эбин (резко). Не хочу я твоего счастья!

Абби (беспомощно). Ты так не думаешь, Эбин. Не надо лгать.

Эбин (зло). Я же сказал, ничего мне от тебя не нужно. Я ненавижу тебя.

Абби. Я целовала тебя, да и ты тоже. Я чувствовала, как горят твои губы. Не обманывай себя. *(Напряженно.)* Если тебе было все равно, почему ты ответил на поцелуй, почему губы твои горели?

Эбин (вытирая губы). Они горели, быть может, оттого, что я думал о другой.

Абби (уязвлена). О Минни?

Эбин. Возможно.

Абби (с болью). Ты все же ходил к ней? Скажи — ходил? Я надеялась... Потому ты и отвергаешь меня?

Эбин (усмехнувшись). А если и так, — что тогда?

Абби (в ярости). Тогда ты скотина, Эбин Кэбот!

Эбин (издеваясь). По какому праву вы так разговариваете со мной?

Абби (рассмеявшись). По какому праву? Может, ты возомнил, что я влюблена в тебя? В такое жалкое существо, как ты? Ха! Ты мне нужен, мне так

надо! Нужен. И я тебя заполучу. Потому что я сильнее тебя.

Эбин (резко). Я понимаю — это часть вашего плана. Заграбастать все.

Абби (насмешливо). Возможно.

Эбин (в бешенстве). Убирайтесь из моей комнаты!

Абби. Это моя комната, и ты всего-навсего нанят в работники.

Эбин. Убирайтесь, пока я не убил вас!

Абби (уверенно). А я тебя не боюсь. Ни капельки. Ты ведь хочешь меня.

Такой, как ты, никогда не убьет женщину, которую хочет. Твой взгляд выдает тебя, в нем страсть ко мне, твои губы дрожат — они жаждут поцелуя, зубы твои готовы меня укусить.

Он следит за ней с ужасом, как зачарованный. (Смеется сумасшедшим победоносным смехом.) Этот дом — мой, лишь одна комната — та, что внизу, — не моя. Но и она станет моей нынешней ночью. Я иду вниз, Эбин. Я зажгу свечи. *(Издевательски кланяется.)* Не хотите ли поухаживать за мной, мистер Кэбот?

Эбин (глухо). Вы не смеете. С тех пор как умерла моя мать, никто не переступал порог этой комнаты. И вы не смеете...

Взгляд Абби пылает такой испепеляющей страстью, что Эбин в растерянности замолкает.

Абби (направляется к выходу и, чувствуя на себе взгляд Эбина, набирается духу сказать). Я буду ждать тебя, Эбин. *(Уходит.)*

Эбин смотрит ей вслед, подходит к двери. В окне первого этажа зажигается свет.

Эбин (бормочет). Там — внизу? *(Берет со стула белую рубашку, надевает, повязывает галстук, надевает пиджак, берет шляпу. В галстуке, босой, он озирается вокруг и удивленно бормочет.)* Мама, где ты? *(Медленно идет к двери.)*

Картина третья

Несколько минут спустя. Мрачная, как гроб, гостиная. Можно подумать, что обитатели дома здесь себя заживо похоронили. Абби зажгла все свечи, какие были в комнате, и обстановка гостиной предстала перед ней во всем своем уродстве. Абби неподвижно сидит на краешке дивана, хотя страх и подсказывает ей бежать отсюда. Дверь открывается, и входит Эбин. Он бос, в руке шляпа. Смущенный, останавливается и смотрит на Абби.

Страница 13 из 21

Абби (нервничая; вежливо). Может, присядешь?

Эбин (тупо). Да. *(Осторожно кладет шляпу на пол около двери, подходит к дивану и садится рядом с Абби на краешек дивана. Сохраняя суровость, сидят, уставившись в пол.)*

Абби. Когда я вошла сюда, мне показалось, что тут кто-то есть.

Эбин (просто). Это была мама.

Абби. Мне кажется, что и сейчас кто-то есть.

Эбин. Это мама.

Абби. Сперва я хотела убежать — так испугалась. Теперь, когда ты пришел, эти стены стали добрее. *(В пространство.)* Благодарю вас.

Эбин. Она всегда меня любила.

Абби. Может быть, она знает, что и я тебя люблю. Может быть, поэтому она стала добрее.

Эбин. Не знаю. Думаю, ненавидит вас.

Абби. Нет. Я чувствую, что нет.

Эбин. Она ненавидит вас за то, что вы заняли ее место, живете в ее доме, сидите в ее комнате, где она умерла. *(Внезапно замолкает; чем-то обеспокоен, смотрит по сторонам.)*

Абби. Что случилось, Эбин?

Эбин (шепотом). Она не хочет, чтобы я напоминал вам об этом.

Абби (возбужденно). Конечно, Эбин. Она добра ко мне. Она ничего не может иметь против меня. Мы не знали друг друга.

Эбин. Она затаила на него обиду.

Абби. Все мы затаили на него обиду.

Эбин. Да. *(Страстно.)* Я затаил, видит бог.

Абби (берет его за руку, гладит). Не думай о нем, — думай о своей матери, которая добра к нам. Расскажи мне о ней, Эбин.

Эбин. Что рассказывать?! Она была доброй. Она была хорошей.

Абби (кладет руку на его плечо, он не реагирует. Страстно). И я буду доброй к тебе.

Эбин. Иногда она пела мне.

Абби. И я буду петь!

Эбин. Это был ее дом. Это была ее ферма.

Абби. Это мой дом. Это моя ферма!

Эбин. Он женился, чтобы ограбить ее. Она была кроткой и безропотной. Он не ценил ее.

Абби. Он и меня не ценит.

Эбин. Он убивал ее изо дня в день своей жестокостью.

Абби. Он и меня убивает.

Эбин. Она умерла. *(Пауза.)* Иногда она пела мне. *(Плачет.)*

Абби (обхватив его голову; страстно). И я буду петь. Я умру ради тебя, Эбин. *(Несмотря на переполняющее ее желание, в ее голосе, в манерах — искреннее чувство, ужасная смесь вожделения и материнской любви.)* Не плачь, Эбин! Я постараюсь заменить тебе мать. Я буду такой, какой она была для тебя. Разреши мне поцеловать тебя! *(Притягивает его голову, он пытается притворно воспротивиться. Нежно.)* Не бойся, я поцелую тебя так, как поцеловала бы тебя она. И ты поцелуй меня, как целовал ее перед сном, желая доброй ночи.

Сдержанно обмениваются поцелуями. Вдруг дикая страсть охватывает ее; она как безумная начинает целовать его; обняв ее, он отвечает ей тем же. Неожиданно Эбин — так же как недавно наверху, в своей комнате, — вдруг резко отталкивает ее. Он охвачен ужасом.

Абби (протягивает к нему руки, молит). Пожалей меня, Эбин. Не оставляй. Видишь, я не могу быть тебе только матерью. Любовь моя больше, чем материнская любовь. Во много раз больше. Ее так много, что мы могли бы быть счастливыми — ты и я...

Эбин (в глубину комнаты). Мама! Мама! Что ты хочешь? Что ты мне говоришь?

Абби. Она говорит, чтоб ты любил меня. Она знает, что я люблю тебя. Нам

будет хорошо. Разве ты это не чувствуешь? Разве ты не знаешь? Она говорит, чтоб ты любил меня.

Эбин. Да, я чувствую... может быть, она... Но... почему же... Ведь вы заняли ее место, ее дом, сидите в ее комнате, где она...

Абби. Но она знает, что я люблю тебя!

Эбин (неожиданная догадка ошеломляет его. Улыбается зло и торжествующе). Я понял. Понял, почему... Она хочет отомстить ему. Тогда она будет отдыхать спокойно — там, в могиле.

Абби (дико). Все мы мстим друг другу! Она — ему, он — мне, я — тебе, ты — мне, мы — ему! И всем нам мстит бог! Я люблю тебя, Эбин. Бог знает, что я тебя люблю!

Эбин (бросается перед ней на колени, обнимает ее ноги). Я люблю тебя, Абби! С той минуты, как увидел тебя, я думаю только о тебе! Теперь я могу сказать об этом. Я люблю тебя...

Губы их сливаются в страстном поцелуе.

Картина четвертая

Раннее утро. Эбин выходит на крыльцо и направляется к воротам. Он в рабочей одежде. Что-то в нем изменилось. Выражение лица самодовольное, почти наглое, он смотрит на окно гостиной, усмехается. Когда он доходит до калитки, слышно, как открывается окно. В окне появляется Абби. Она заспанна, волосы в беспорядке падают на плечи, она с нежностью смотрит на Эбина, тихо окликает.

Абби. Эбин. *(Увидев, что он обернулся, игриво.)* Только один поцелуй. Весь день мы будем врозь. Я буду скучать.

Эбин. Клянусь тебе, я тоже. *(Подходит к окну, Абби наклоняется, они целуются.)* Хватит. А то не останется для следующего раза. *(Смеется.)*

Абби. Для тебя у меня хватит. *(Вдруг.)* Но ты меня любишь, Эбин?

Эбин. Ты мне нравишься больше всех девиц, каких только я видел. Клянусь!

Абби. Нравлюсь — это еще не значит, что любишь.

Эбин. Тогда я люблю тебя. Ты довольна?

Абби (смотрит на него с обожанием). Да.

Страница 14 из 21

Эбин. Мне пора. Того гляди старик спохватится и прибежит.

Абби (с доверительным смешком). Пусть! Я в любой момент смогу его провести. Я оставлю окно открытым, — хорошо? Эта комната давно не видела солнца, Эбин, теперь она будет моей, эта комната?

Эбин (хмуро). Да.

Абби (поправляясь). Нашей.

Эбин. Да.

Абби. Этой ночью она стала нашей. Разве нет? Мы оживили ее нашей любовью.

Эбин (после молчания). Мама ушла. Теперь она может спать спокойно — там, в могиле.

Абби. Пусть спит спокойно. *(С нежным упреком.)* Не надо говорить о грустном сегодня утром.

Эбин. Это помимо моей воли.

Абби. Не разрешай грустным воспоминаниям посещать тебя. *(Пауза. Зевает.)* Пойду посплю чуточку. Я скажу ему, что мне нездоровится, пусть

завтракает один.

Эбин. Вон он идет сюда. Поднимись наверх, приведи себя в порядок.

Абби. До свидания. Не забывай меня. *(Посылает ему воздушный поцелуй.)* Он усмехается, расправляет плечи; ждет отца.

Слева появляется Кэбот. Он идет медленно, останавливается, смотрит, прищурившись, на небо.

Эбин (весело). Доброе утро, отец. Звезды днем считаешь?

Кэбот (все еще глядя на небо). Красиво?

Эбин (оглядывается вокруг). Еще бы! Такой фермы не найти.

Кэбот. Я говорю о небе.

Эбин (усмехнувшись). Ах, о небе! Откуда тебе знать — красиво оно или некрасиво? У тебя же плохое зрение. *(Доволен собственной шуткой, хлопает себя по ляжке, смеется.)*

Кэбот (помрачнев). Ты что-то весел не в меру. Хватил спиртного?

Эбин (добродушно). Это не от спиртного. Просто от жизни. *(Протягивает руку.)* Мы квиты. Ударим по рукам?

Кэбот (насторожившись.) Что это нашло на тебя?

Эбин. Как хочешь. Может, это и к лучшему. *(Пауза.)* Что нашло на меня? Ты не чувствовал, что она была здесь и ушла к себе в могилу?

Кэбот. Кто — она?

Эбин. Мама. Теперь может спать спокойно. Она расквиталась с тобой!

Кэбот (растерявшись). Я был в коровнике, спал крепким сном. Они знают, как спать, и учат меня.

Эбин (вновь наигранно весело). Да здравствуют коровы! Ну ладно! Тебе пора приниматься за работу!

Кэбот (зло). Ты что, сопляк, командуешь мной?

Эбин (смеется). Я командую тобой. Ха! Ха! Ха! Ишь как тебе не нравится, когда командуют тобой! Ха! Ха! Ха! Не нравится! Я главный петух в этом курятнике. Ха! Ха! Ха! *(Идет к хлеву, продолжая смеяться.)*

Кэбот (с жалостью, полной презрения, смотрит ему вслед). Весь в мать, копия. Что с него взять! Одно слово — придурок. *(Сплевывает.)* Однако я голоден. *(Идет к двери.)*

Занавес

Действие третье

Картина первая

Прошел год. Последние недели весны. Ночь. Спальни второго этажа тускло освещены — в каждой горит по свече.

Эбин, упершись кулаком в подбородок, сидит на кровати в своей комнате. Сложные, противоречивые чувства одолевают его. Доносящийся снизу из кухни громкий смех, пьяные возгласы, музыка раздражают и бесят его. Он хмуро смотрит в пол. В соседней спальне рядом с двуспальной кроватью стоит колыбель.

На кухне веселье в разгаре. Вдоль стен на стульях и скамейках, тесно прижавшись друг к другу, сидят фермеры, их жены, деревенские парни и

девушки. Все громко разговаривают, смеются. Стол отодвинут — освобождено место для танцев. В глубине, в дверях рядом с бочонком, стоит Кэбот, изрядно подвыпивший, и каждому, кто входит, подносит кружку виски.

Присутствующие подталкивают друг друга локтями, пересмеиваются, кивают на Кэбота, отпускают по его адресу колкие словечки. В левом углу в качалке сидит Абби в накинутом на плечи платке. Она бледна, лицо ее осунулось. Она вся в ожидании, не спускает глаз с двери.

В дальнем правом углу сидит долговязый парень с вытянутым глуповатым лицом и настраивает скрипку. Его бесцветные глаза непрерывно моргают, в его усмешке злорадство.

Абби (девушке, сидящей рядом). А где Эбин?

Девушка (насмешливо). Откуда мне знать, миссис Кэбот? Я не видела его вечность. (Многозначительно.) Говорят, с тех пор, как вы здесь, он носа не кажет из дому.

Абби (задумчиво). Да-да. Я заменила ему мать.

Девушка. И об этом тоже говорят, миссис Кэбот. (Поворачивается и что-то шепчет на ухо своей матери, сидящей рядом.)

Абби (некоторое время сидит молча, потом обращается к сидящему с другой стороны соседу). Вы случайно не видели Эбина?

Мужчина (с раскрасневшимся лицом и осоловелыми от возлияний глазами). Нет, не видел. (Подмигивает.) Если вы не знаете, где Эбин, то кто же может знать, где он?

Абби. Он же лучший танцор в деревне. Надо, чтобы он пришел и станцевал.

Мужчина (подмигивает). Может, он укачивает ребенка, а? Мальчик, если не ошибаюсь. Сколько ему уже?

Абби (рассеянно кивает). Две недели. Красив как картинка.

Мужчина. Все матери считают, что их чада красивы. (Толкнув ее локтем; шепотом, хитро.) Послушайте, Абби. Если Эбин вам надоест, вспомните обо мне. (Всматривается в ее непроницаемое лицо и, не дождавшись ответа, что-то пьяно бормочет; встает.) Полагаю, следует еще выпить.

Страница 15 из 21

(Подходит к Кэботу, который в это время шумно спорит о коровах с одним из фермеров.) Все пьют.

Абби (как бы про себя). Где же Эбин? Что он сейчас делает?

Хотя слева эти она и произносит очень тихо, ни к кому не обращаясь, однако сидящие поблизости их слышат и передают дальше, сопровождая жестами и смешками. Наконец они доходят до скрипача.

Скрипач (устремив взгляд на Абби; через всю кухню). А я знаю, где он, Абби. Он сейчас в церкви, заказывает благодарственный молебен.

Раздается всеобщий хохот.

Мужчина. По какому поводу? Говори толком.

Все продолжают смеяться.

Скрипач. А как же? (Медлит, дает присутствующим возможность вволю

похихикать.) У него родился брат.

Взрыв хохота. Все смотрят то на Абби, то на Кэбота. Хотя Кэбот, стоя в дверях, был занят спором с фермером и не слышал, о чем идет речь, он заподозрил что-то неладное. Выходит на середину кухни. Сразу наступает тишина.

Кэбот. Что это вы тут разблеялись, как стадо баранов? Я пригласил вас пить, есть, танцевать и веселиться, — ну так и веселитесь, черт вас возьми! А вы тут наладились виски, нажрались как свиньи и, вместо того чтобы веселиться, раскудахтались как куры на насесте.

Все возмущены; однако боятся гнева Кэбота.

Скрипач (хитро). Мы ждем Эбина.

Приглушенный смех.

Кэбот (с неприкрытым торжеством). К черту Эбина! С ним покончено. У меня родился сын. Сын! *(Он пьян, и, как у пьяного человека, настроение его внезапно меняется.)* Никто из вас не смеет смеяться над Эбином! Слышите? Он хоть круглый дурак, но он моя кровь. Он лучше любого из вас. Он весь день гнет спину не меньше, чем я, и любого из вас он заткнет за пояс.

Скрипач. Он и ночью неплохо работает.

Хохот.

Кэбот. Смейтесь вы, проклятые дураки. Ты прав, скрипач. Он может работать и днем и ночью, как и я, если надо.

Старый фермер (еле держится на ногах, простодушно). Никто не может сравниться с тобой, Эфраим. Подумать только — заимел сына в семьдесят шесть лет! Мне шестьдесят восемь — я даже и не пытаюсь.

Все смеются, смеется и Кэбот.

Кэбот (хлопнув старого фермера по спине). Мне жаль тебя. Я и не подозревал: ты такой парень, и вдруг... слабак.

Старый фермер. А я не подозревал, что ты так силен, Эфраим.

Смех.

Кэбот (сразу помрачнев). У меня ее много — силы. Ох как много. Никто из вас не знает, как много ее. *(Скрипачу.)* Что стоишь как истукан?! Разве у меня не праздник? Мы хотим танцевать! Сыграй им что-нибудь на своей скрипке. Смажь салом свой локоть и двигай!

Скрипач (выпив протянутую старым фермером кружку виски). Начинаю! *(Играет.)*

Четверо парней и четыре девушки становятся друг перед другом. Они движутся в такт музыке, а скрипач время от времени выкрикивает названия фигур и сопровождает это шутливыми замечаниями в адрес танцующих. Все хлопают в ладоши, пристукивают каблуками. Особенно старается Кэбот. Лишь Абби остается безучастной, она сидит и не спускает глаз с дверей.

Джим, поверни партнершу направо! Вот так! Обними за талию! Покрепче, не бойся, мамаша не видит!

Смех.

Меняйтесь партнерами, да побыстрее. Теперь ты довольна, Эсси? Руб тебе больше нравится? Взгляни, как она зарделась! Что ж, жизнь коротка, любовь тоже, — так говорят люди.

Смех.

Кэбот (пристукивая ногой). Давайте, ребята, покажите, на что вы способны! Не отставайте, девушки!

Скрипач (подмигивая присутствующим). Из всех семидесятишестилетних, каких я встречал когда-либо, вы самый что ни на есть молодец, Кэбот. Вот только глаза малость подкачали.

Сдержанный смех. (Продолжает, не давая возможности Кэботу ответить.) Променад! Сара, ты похожа на невесту, от которой жених отказался. Больше жизни, выше голову! Никогда не теряйте надежды. Боже мой, взгляните на Джонни Кука, — как он поднимает ноги. Не много же сил останется у него для завтрашней работы!

Смех.

Кэбот. Еще! Еще! Жмите! *(Не в силах более себя сдерживать, врывается в круг танцующих, расталкивает их, дико размахивает руками.)* Дайте мне место. Разойдитесь с моей дороги! Я покажу, как надо танцевать! Вы какие-то вареные, разве так танцуют? *(Раздвигает круг.)* Все отступают к стенкам и осуждающе смотрят на Кэбота.

Скрипач (провоцируя). Давай, Эфраим! Давай! *(Снова играет.)*

Кэбот пускается в пляс. Танцует хорошо, задорно, затем начинает импровизировать, выкидывая невероятные коленца: прыгает, стучит каблуками, ходит гоголем по кругу. Сгибается в три погибели, выпрямляется, дергается, как мартышка. Все, что он выделяет в каком-то диком индейской танце, сопровождает выкриками.

Кэбот. У-оп! Глядите! Глядите! Семьдесят шесть лет! Тверд, как железо! Меня никто не победит. Никто не сравнится, — глядите! Я доживу до ста лет! Я бы пригласил вас на мой юбилей, да вы к тому времени все перемрете. Вы — слабое поколение. Ваши сердца не красные, — розовые; в ваших жилах не кровь — вода. У-оп! Глядите! Я единственный мужчина, достойный внимания. Я убивал индейцев еще тогда, когда вас и на свете-то не было. Я сдирал с них скальпы. У-оп! У меня на спине шрам, — могу показать! Целое племя гналось за мной, я бежал, а стрела торчала у меня меж лопаток. Но я им отомстил! Око за око, зуб за зуб — вот мой закон! У-оп! Глядите на меня! Могу прошибить потолок! У-оп!

Страница 16 из 21

Скрипач (обессилен, опускает смычок). С меня хватит, Кэбот. Ну и силищи в вас!

Кэбот (доволен). Значит, и ты сдался? Но ты играл хорошо, — на, пей! *(Наливает виски себе и скрипачу.)* Они пьют. Выражение лиц присутствующих — холодное, враждебное. Наступает мертвая тишина. Скрипач отдыхает. Кэбот, прислонившись к бочонку, тяжело дышит, озирается по сторонам.

Эбин наверху встает с кровати и на цыпочках выходит из комнаты. Вскоре он появляется в соседней спальне. Тихо, крадучись, подходит к колыбели и смотрит на ребенка. На лице его отражаются то растерянность, то смущение, то нежность. С момента, когда Эбин оказывается у колыбели, Абби овладевает беспокойство. Она, не выдержав, встает и подходит к Кэботу.

Абби. Я поднимусь, взгляну на ребенка.

Кэбот (с нежностью). Ты очень слаба. Может, помочь тебе?

Абби. Ничего, я сама. Я скоро вернусь.

Кэбот. Не утомляй себя. Помни, ты нужна ему — нашему сыну. *(С нежностью ухмыляется, проводит рукой по ее спине.)*

Абби (ее передергивает от этого прикосновения). Не надо. Я иду... *(Уходит.)*

Кэбот смотрит ей вслед. Присутствующие перешептываются. Кэбот оборачивается, все замолкают.

Кэбот (все еще тяжело дышит, пот струится со лба). Голова чуть закружилась. Пойду на двор, подышу свежим воздухом. Скрипач, играй. Танцуйте, пойте. Вот (*хлопает по бочонку*) тут еще есть виски. Веселитесь. Я ненадолго. (*Уходит, прикрыв за собой дверь.*)

Скрипач (язвительно). Не торопись ради нас.

Сдержанный смех. (Подражая Абби.) Где Эбин?

Смех сильнее.

Женщина (громко). То, что произошло в этом доме, — понятно, как дважды два. Иначе и не могло быть.

Абби появляется в дверях спальни. Она останавливается, смотрит на Эбина глазами, полными любви и обожания. Эбин ее не видит.

Мужчина. Тише! Может, он подслушивает за дверью. Это на него похоже.

Все шепчутся-будто поземка метет сухие листья. Кэбот сходит с крыльца, останавливается у калитки, облокотившись на нее. Моргая, смотрит на небо. Абби бесшумно подходит к Эбину, становится рядом.

Эбин (вздрагивает). Абби!

Абби. Тише. (Обнимает его, они целуются, затем склоняются над колыбелью.) Разве он не красив? Весь в тебя.

Эбин (доволен). Разве? Я бы этого не сказал.

Абби. Как две капли воды.

Эбин (насупившись). Мне это не по душе, Абби. То, что принадлежит мне, — принадлежит ему. И так всю жизнь. С этим надо кончать.

Абби (прикладывая палец к губам). Надо ждать, Эбин. Надо запастись терпением и ждать. Что-нибудь да случится. (*Обнимает его.*) А теперь мне пора вниз.

Эбин. Я пойду во двор. Я больше не в силах слышать эту скрипку и смех.

Абби. Не терзай себя, милый. Я люблю тебя. Я люблю, слышишь? Поцелуй меня.

Они обнимаются и так продолжают стоять у колыбели.

Кэбот (во дворе). Томит меня что-то. Даже музыка не может заглушить это нечто. Оно преследует меня всюду. Таится в углах, шумит в вязах, скребется в трубе, карабкается по крыше. Оно — всюду, и не убежишь никуда. Нет покоя ни дома, ни среди людей. (*Вдыхает.*) Пойду побеседую с коровами, хорошо с ними... (*Устало бредет к коровнику.*)

Скрипач. Эй, теперь можем и повеселиться, — он ушел! Старого подлеца одурачили! Это надо отметить как следует! (*Ударяет смычком по струнам.*) Начинается настоящее веселье. Танцует молодежь.

Картина вторая

Прошло полчаса. Эбин стоит у ворот, смотрит на небо. На его лице немая боль. Из коровника возвращается Кэбот. Он идет медленным, тяжелым шагом, голова опущена. Когда он замечает Эбина, на лице появляется злая торжествующая улыбка. Проходя мимо Эбина, похлопывает его по спине. Из кухни доносятся пьяные голоса, смех, музыка.

Кэбот. Вот ты, оказывается, где!

Эбин (вздрагивает, смотрит на него с ненавистью. Мрачно). Да.

Кэбот (насмешливо). Почему же ты не был на танцах? Все спрашивают, где Эбин?

Эбин. Ну и пусть спрашивают.

Кэбот. Там много хорошеньких девушек.

Эбин. Черт с ними.

Кэбот. Тебе пора уже жениться на одной из них.

Эбин. Я ни на ком не женюсь.

Кэбот. Чудак, ты бы мог таким образом поделить ее ферму, получить половину.

Эбин (усмехаясь). Как это сделал ты? Я так не хочу.

Кэбот (уязвлен). Ложь! Это родные твоей матери пытались украсть у меня мою ферму.

Эбин. Люди говорят иначе. *(После молчания, с вызовом.)* Мне беспокоиться нечего, у меня есть ферма.

Кэбот (насмешливо). Где, если не секрет?

Эбин (кивнув на дом). Вот она.

Кэбот (откидывает назад голову, хохочет). Ха! У него есть ферма! Ну и ну! Какой молодец!

Эбин (сдерживая себя, мрачно). Поживем — увидим.

Кэбот (смотрит на Эбина подозрительно, старается понять, что он имеет в виду. Пауза. Доверительно). Я-то увижу. А вот ты? Ты же слепой щенок!

Эбин смеется.

Ты чего усмехаешься?

Эбин отворачивается, не отвечая. (Распалаясь.) Боже праведный! Придурок ты! И в голове-то мякина. *(Видя, что Эбин не реагирует, свирепеет.)* Если бы ты не был от рождения ослом, — давно бы понял, что здесь тебе ничего не перепадет. Ни одной горсти земли, ни одного камня. Особо теперь, когда у меня родился сын. После моей смерти ферма перейдет ему. Но я проживу еще до ста лет, до ста лет, чтоб одурачить вас всех. К тому времени ему будет столько, сколько тебе сейчас.

Страница 17 из 21

Эбин (вызывающе). Ха!

Кэбот (в бешенстве). Он еще хакает! Ты надеешься всех провести. Но ферма будет не только его, но и Абби, а ее-то тебе не обдурить. Ей известны твои штучки, она тебя раскусила. Думаешь, я не знаю, что ты увивался вокруг нее, пытался соблазнить. Она мне все рассказала. *(Взметнув кулаки.)* Ты... ты... безмозглый дурак!

Эбин (наступая на него; в ярости). Врешь, подлец! Абби не могла этого сказать.

Кэбот (торжествует, видя, как потрясен Эбин). Не могла? Когда я ей сказал, что выбью твои мозги, подкину их повыше этих вязов, она ответила: "Кто же тогда будет помогать тебе в работе, это неразумно". Она сказала, что она и я, мы должны занять сына. Я пообещал ей, что, если родится сын, она может просить у меня все что угодно. Она попросила выбросить тебя, чтобы ферма после моей смерти перешла к ней. *(Со злорадством.)* И ферма теперь ее, а твоя — только пыль на дороге! А вот теперь посмейся!..

Эбин (в немом ужасе, окаменев от горя и ярости, неожиданно начинает хохотать, его передергивает судорога). Ха-ха-ха! Так вот какова ее игра. Я это подозревал... Я с самого начала подозревал... Но я... Так, значит, все это было ложью? *(Кричит.)* Все было обманом? Я убью ее! *(Бежит к крыльцу.)*

Кэбот (опережает его, преграждает дорогу). Ты не посмеешь ее тронуть.

Эбин. Прочь с дороги!

Эбин пытается оттолкнуть Кэбота, но тот хватается за руку.

Начинается яростная борьба. Старик намного сильнее Эбина. Ему удается схватить сына за горло, прижать к стене. В это время на крыльце появляется Абби.

Абби (сдавленный крик вырывается из ее груди). Эбин! Эбин! (Сбегают с лестницы.) Эфраим! (Повисает у Кэбота на руке.) Отпусти его, Эфраим. Ты задушишь его.

Кэбот разжимает пальцы и сильно толкает Эбина, так что тот, отлетев в сторону, падает. Эбин дышит с трудом. Абби с криком опускается на колени, пытается его голову положить к себе на колени, но он отталкивает ее.

Кэбот (торжествуя). Не бойся, Абби, я и не собирался его убивать. Он не стоит того, чтобы из-за него меня повесили. Мне семьдесят шесть, а ему нет и тридцати, — и он вздумал со мной тягаться! Со мной! Вот и поплатился за это. Видит бог, со мной не так легко справиться. И с ним — он сейчас наверху спит в своей колыбели. Он во всем будет похож на меня! Я воспитаю его. А теперь пойду веселиться, сегодня у меня праздник! (Идет к крыльцу, затем оборачивается и говорит с усмешкой.) Вряд ли, конечно, но если этот дурак вздумает приставать к тебе, — крикни. Клянусь богом, я спущу с него штаны, всыплю как следует. (Исчезает в доме, через минуту уже слышны его громкие выкрики: "У-оп!")

Абби (трепетно). Эбин... Тебе больно? (Пытается его поцеловать.)

Эбин (отталкивает ее, приподымает голову, садится, смотрит по сторонам, вытаращив глаза; хрипло). Иди к черту!

Абби (изумленно). Это я, Эбин. Ты что, не узнаешь меня?

Эбин (смотрит на нее с ненавистью). О, теперь... я знаю тебя! (Рыдает.)

Абби (боязливо). Что случилось, Эбин? Почему ты смотришь на меня с такой неприязнью?

Эбин. Я ненавижу тебя. Я ненавижу... Шлюха, хитрая шлюха!

Абби (отпрянув назад, в ужасе). Эбин!.. Что ты говоришь!

Эбин (поднимаясь на ноги). Каждое твое слово — ложь. Ты все время лгала мне. С тех пор как мы вместе. Ты говорила, что любишь меня...

Абби (искренне). Да, я люблю тебя... (Берет его руку, но он отдергивает ее.)

Эбин (продолжает твердить свое). Ложь! Ты превратила меня в дурака. И я поддался — безмозглый осел. Ты только и знала, что вела свою коварную, змеиную игру. Меня ты заставила лечь с тобой, чтобы заиметь сына, которого он считает за своего, а от него добила обещания выгнать меня и отдать тебе ферму. (С ненавистью.) Ты — дьявол, не может человек быть таким подлым.

Абби (ошеломленно). Он это сказал тебе?

Эбин. Разве это не так? Не лги хоть сейчас.

Абби (с мольбой). Эбин, выслушай меня. Ты должен меня выслушать. Это было давно... Ты тогда презирал меня, бегал к Минни... А я любила тебя. Я была как безумная. Я хотела тебе отомстить...

Эбин (перебивая, с мучительной страстью). Лучше бы ты умерла тогда. Лучше бы мы оба умерли. Не видеть все это, не слышать... (Яростно.) Но я отомщу тебе. Отомщу вам обоим. Я буду молиться, чтобы моя мать вернулась мне помочь, чтоб она прокляла вас.

Абби (задыхаясь). Не надо, Эбин! Не надо! (Бросается перед ним на колени, плачет.) Я не хотела тебе ничего дурного. Прости меня!

Эбин (не слышит ее слов; яростно). Я рассчитаюсь с этим старым хрычом... и с тобой! Потом я оставлю вас вдвоем, чтобы вы травили друг друга, и моя мать будет являться вам по ночам, а сам уеду на Запад, в Калифорнию — к Симу и Питеру.

Абби (в ужасе). Нет, ты не бросишь меня! Ты не можешь!

Эбин (твердо). Говорю тебе — уеду. А когда разбогатею, вернусь и отберу

ферму, которую он украл у меня. Я вышвырну вас обоих, и твоего сына вместе с вами! Вы будете просить Христа ради и подохнете где-нибудь на дороге. *(Он на грани истерики.)*

Абби (содрогается, говорит робко). Мой сын — он и твой, Эбин.

Эбин (страдая). О, если бы он не появился вовсе! Лучше бы он умер сейчас. Лучше б я его никогда не видел! Ты заимела его в своих гнусных целях. Это его появление все изменило!

Страница 18 из 21

Абби (нежно). До того как он появился, ты верил, что я люблю тебя?

Эбин. Я был слеп как крот.

Абби. А теперь не веришь?

Эбин. Ха! Верить лживой воровке?

Абби (вздрагивает, затем робко). А любил ли ты меня вообще до этого?

Эбин (задыхаясь). Ты дурачила меня!

Абби. Ты не любишь меня больше?

Эбин (в бешенстве). Я ненавижу тебя!

Абби. Ты уезжаешь, оставляешь меня, и все потому, что у нас родился сын?

Эбин. Я уеду на рассвете. И пусть бог отправит меня в ад, если я это не сделаю!

Абби (после паузы, сдержанно). Если его появление сделало все это — убило твою любовь, отняло тебя, мою единственную радость — радость, какую я когда-либо знала, чистую как небо... Если это так... то я ненавижу его, несмотря на то, что я его мать.

Эбин (с горечью). Ложь. Ты любишь его! Он украл ферму для тебя! *(Судорожно.)* Дело не в ферме, пойми! Ты обманула меня. Клялась, что любишь, и лгала... чтобы заполучить ферму.

Абби (обезумев). Он не украл!!! Я убью его! Я люблю тебя. Я докажу тебе...

Эбин (резко). Хватит лгать! Мне все ясно! Прощай. Мы больше не увидимся.

Абби (побледнев). Ты даже не хочешь поцеловать меня хоть раз за всю нашу лю...

Эбин (жестким голосом). Не хочу! И постараюсь забыть, что когда-то мои глаза глядели на тебя!

Абби. Эбин! погоди. Ты не можешь уйти так... Я должна тебе сказать...

Эбин. Я пошел к ним — буду пить и плясать.

Абби (повиснув у него на руке; горячо). А если бы он не стал между нами, если бы я убедила тебя, что у меня не было злого умысла заполучить ферму. Мы бы по-прежнему любили бы друг друга и были бы счастливы, как это было еще совсем недавно. Если б я убедила, ты опять полюбил бы меня и не бросил? Скажи!

Эбин (тронут). Пожалуй. *(Стряхнув ее руку, с горькой улыбкой.)* Но ты же не бог!

Абби (ликуя). Но помни, ты обещал. *(Тихо.)* Может, и в моей власти кое-что.

Эбин (вглядываясь в нее). Ты начала заговариваться. *(Идет к крыльцу.)* Я иду танцевать!

Абби (кричит ему вслед). Я докажу тебе! Я докажу, что люблю тебя больше...

Последние слова Эбин уже не слышит, — он вошел в дом. (Остается стоять на месте, смотрит ему вслед; в голосе — отчаяние.)...больше всего на свете!

Картина третья

На рассвете следующего дня. Видны кухня и спальня Кэбота. Эбин на кухне сидит за столом, подперев подбородок кулаками. У него отсутствующее

выражение лица, он бледен. Горит свеча. Возле Эбина на полу — матерчатый саквояж.

Наверху в тускло освещенной комнате спит Кэбот. Абби склонилась над колыбелью, прислушивается. Глаза ее полны отчаянья и ужаса, она начинает рыдать и хочет упасть перед колыбелью на колени. В это время Кэбот во сне стонет, поворачивается на бок, и Абби берет себя в руки; пятясь, исчезает за дверью. Тишина. Абби врывается на кухню, подбегает к Эбину, обнимает его и страстно целует. Эбин продолжает сидеть, не шелохнувшись, глаза его устремлены перед собой.

Абби (истерично). Я сдержала свое слово, Эбин! Я решилась. Я доказала, что люблю тебя больше всего на свете. У тебя больше нет причин сомневаться во мне.

Эбин (безразлично). Теперь это уже не имеет значения. Что бы ты ни сделала.

Абби (дико). Не говори так. Поцелуй меня, Эбин. Мне надо, чтобы ты меня поцеловал. Скажи, что ты любишь меня!

Эбин (прикоснувшись губами к ее щеке). Это на прощанье. Я скоро уйду.

Абби. Нет-нет! Теперь?.. И теперь ты уйдешь?

Эбин (размышляет вслух). Я о многом думал... Я ничего отцу не скажу. А мать моя будет приходить по ночам, — тебе не уйти от нее. Сказать ему все, он возненавидит ребенка, будет срывать на нем свою злость. *(Голос его становится мягче, теплее).* Я не хочу этого. Ребенок ни при чем, он не виновен. *(Со странной гордостью).* И он похож на меня. Видит бог, он мой! Когда-нибудь я, возможно, вернусь...

Абби (она слишком поглощена собственными мыслями, чтоб слушать его; молящим голосом.) Нет причин, чтобы ты уходил. Какой смысл уходить, когда больше нет причин... Все — как прежде... Нас ничто не разделяет... После того, что я сделала, — нет причин, Эбин.

Эбин (ее голос настораживает его. Он смотрит на нее с испугом). Ты вся дрожишь, на тебе лица нет. Что ты натворила?

Абби. Я... я... убила его.

Эбин (ошеломлен). Убила?

Абби (тупо). Да.

Эбин (после молчания, как бы очнувшись). Ну что ж! Поделом ему. Но надо торопиться, надо предпринять что-то. Надо обставить все так, будто он сам... в пьяном виде. Все видели, что он вчера был пьян вдребезги, они подтвердят.

Абби (дико). Нет! Нет, Эбин! Не его я убила! *(Смеется как безумная).* Мне надо было убить его! Как же я не подумала... Конечно, его... Почему ты не подсказал мне?! Почему?..

Эбин (испуганно). Кого ты убила? Говори же!.. *(Пауза.)*

Абби. Не его.

Эбин (лицо его становится мертвенно-бледным). Ребенка?

Абби (тупо). Да.

Эбин (падает как подкошенный на колени, голос его дрожит.) Боже всемогущий! Мама, где ты была, почему ты не остановила ее?!

Абби (просто). В первую нашу ночь мама ушла и больше не возвращалась.

Страница 19 из 21

Пауза. Эбин роняет голову на грудь, его бьет как в лихорадке. (Отрешенно). Я накрыла его подушкой. И он перестал дышать. Задохнулся. *(Начинает тихо плакать.)*

Эбин (ярость перемешивается с горем). Он был похож на меня. Он был моим, будь ты проклята!

Абби (глухо и отрывисто). Я не хотела... Я ненавидела себя за то, что делаю.

Я любила его, он был так красив — вылитый ты, но тебя я любила больше. А ты уходил. Далеко... Я бы никогда тебя больше не увидела. Не целовала бы тебя. Не была бы рядом. Ты сказал, что ненавидишь меня из-за него. Говорил, что ненавидишь его и хотел бы, чтобы он умер. Ты сказал, что, если бы не он, все было бы по-прежнему.

Эбин (не в силах это выносить; вскакивает в бешенстве на ноги. Угрожает ей, протягивая руки к ее горлу). Врешь! Я не говорил тебе этого! И не помышлял даже! Да я лучше свернул бы себе шею, чем причинил хоть малейшую боль ему.

Абби (с мольбой; опускаясь на колени). Не мучай меня, Эбин, не смотри на меня с ненавистью. После того, что я сделала ради тебя, ради нас... Я хотела, чтобы мы снова были счастливы.

Эбин (яростно). Замолчи, или я убью тебя! Я разгадал твою игру — опять то же самое! Ты — убийца, ты убила ребенка и теперь хочешь свалить вину на меня!

Абби (стонет, зажав уши руками). Не надо, Эбин, перестань... *(Пытается обхватить его ноги.)*

Эбин (в ужасе отступая.) Не прикасайся ко мне! Ты злодейка! Как ты могла убить это бедное маленькое существо. Ты продалась дьяволу! *(Вновь приходя в ярость.)* Я знаю, почему ты убила его. Ты решила захватить, захватить то последнее, что ты мне оставила. Ты видела, что он похож на меня, ты знала — он мой, и не могла снести этого! Я знаю тебя! Ты убила его за то, что он был мой! *(Обезумев, мечется по комнате, подбегает к Абби, трясет перед ней кулаками.)* Но я отомщу тебе! Я позову шерифа. Я ничего от него не скрою! Я расскажу ему все — все, что здесь произошло, потом уйду. Уеду на Запад. В Калифорнию... там золото, золотые россыпи! Уеду! *(Речь его становится прерывистой, он то бормочет, то выкрикивает отдельные слова.)* Я пойду к шерифу. Пусть он заберет тебя, запрет. Я не могу тебя видеть. Убийца и воровка! Ты все еще искушаешь меня. Я передам тебя шерифу! *(С рыданиями выбегает из дома, огибает угол и бегом бросается на дорогу.)*

Абби (встает, бежит к двери, кричит ему вслед.) Я люблю тебя, Эбин! Слышишь, я люблю тебя! *(Ослабев, хватается за дверь.)* Мне все равно, что ты сделаешь, лишь бы снова любил меня. *(Держась за дверь, медленно сползает на пол.)*

Картина четвертая

Прошел час. Видны, как и в предыдущей картине, кухня и спальня Кэбота. Рассвело. Первые лучи солнца освещают верхушки вязов.

Абби на кухне сидит за столом, спрятав лицо в ладони. Наверху Кэбот ворочается в постели, затем просыпается как от толчка, смотрит в окно, издает звук удивления и раздражения, сбрасывает одеяло, начинает торопливо одеваться.

Кэбот (не сомневаясь, что Абби рядом). Черт возьми, Абби. За последние пятьдесят лет я ни разу так поздно не просыпался. Солнце уже светит вовсю. Всему виной виски и танцы. Старею, видно. Надеюсь, Эбин уже работает. Ты должна была меня разбудить, Абби. *(Заметив, что рядом никого нет, удивлен.)* Где же она? Вероятно, готовит завтрак. *(На цыпочках подходит к колыбели.)* Доброе утро, сынок. *(Заглядывает в колыбель, говорит с гордостью.)* Красив, как на картинке. Спит... Не орет по ночам, как большинство из них. *(Тихо выходит из комнаты, спускается на кухню, успокаивается, увидев*

Абби.) Вот ты где! Готовишь мне завтрак?

Абби (не двигаясь). Нет...

Кэбот (подходит к ней, почти нежно). Тебе нехорошо?

Абби. Нет.

Кэбот (кладет руку ей на плечо, она вздрагивает). Ты бы прилегла ненадолго. Скоро он проснется и потребует есть. У него аппетит...

Абби (вздрагивает, затем бесстрастно). Он никогда не проснется.

Кэбот (весело). Нет, он в меня. Он не соня...

Абби. Он мертв.

Кэбот (растерявшись). Что?

Абби. Я убила его.

Кэбот (в ужасе отступая). Ты пьяна... или ты сошла с ума? Или...

Абби (поднимает голову; глядя в его глаза, громко). Говорю тебе — я убила его. Задушила. Иди взгляни, если не веришь!

Кэбот (смотрит на нее, веря и не веря, затем в мгновение ока оказывается наверху, бросается к колыбели, дотрагивается до ребенка; страх и ужас охватывают его; отпрянув от колыбели). Боже всемогущий!.. Боже всемогущий! *(Спотыкаясь, волоча ноги, выходит из комнаты, спускается на кухню. Все еще не может опомниться. Подходит к Абби, хрипло.)* Почему ты это сделала?

Молчание. (Грубо хватая ее за плечо, трясет.) Я спрашиваю — почему ты это сделала? Лучше скажи, или...

Абби (вскочив, отталкивает его с такой яростью, что он отлетает в сторону; в голосе ее ярость и ненависть). Не прикасайся ко мне! Какое у тебя право спрашивать о нем? Не твой он, понял? Думаешь, я согласилась бы родить от тебя? Да я бы удавилась лучше!.. Я ненавижу тебя и ненавидела всегда. Если бы бог наградил меня умом, я убила бы тебя, а не его. Я ненавижу тебя. Я люблю Эбина. Да, Эбина! С первого дня, как увидела. И ребенок его, мой и его, — не твой...

Страница 20 из 21

Кэбот (пораженный, в ужасе смотрит на нее; после долгого молчания, с трудом подыскивая слова). Вот, оказывается, что... Вот что тяготило меня... таилось по углам, шумело в вязах!.. А ты лгала... держалась от меня подальше, говорила, что понесла. *(Отрешенно.)* Он мертв, конечно. Я видел. Он мертв. Бедный мальчик! *(Слезы текут по его лицу.)*

Абби (истерично). Не смей! Не смей! *(Рыдает.)*

Кэбот (собравшись с силами, выпрямляется, лицо становится суровым; цедит сквозь зубы). Мне надо превратиться в камень, чтоб не сойти с ума. *(Полностью взяв себя в руки.)* Если он... Эбина — я рад, что он мертв. Я подозревал... Я чувствовал что-то неладное. Холодно было в доме, одиноко как-то... Вот и шел к коровам, меня тянуло к ним. Да, я подозревал. Не радуйся, тебе не до конца удалось меня одурачить: я подозревал. Слишком я стреляная птица! *(Смотрит на нее, усмехается.)* Значит, будь ты умнее, убила бы меня, а не его? Ну что ж! Мне долго жить — до ста лет. Тебя повесят. Этого требуют суд божий и закон. Я приду, когда тебя буду вешать. Пойду за шерифом. *(Идет к двери.)*

Абби (тупо). Не старайся. Эбин уже пошел за ним.

Кэбот (удивленно). Эбин?

Абби. Да.

Кэбот. За шерифом?

Абби. Да.

Кэбот (поразмыслив). Освободил меня от хлопот, и на том спасибо. Тогда

пойду работать. *(Подходит к двери, оборачивается)*. Он должен был быть моим сыном, Абби. Ты должна была бы любить меня. Я — муж твой. Если бы ты любила меня, я не побежал бы за шерифом. Что бы ты ни сделала.

Абби (защищая Эбина). Значит, у него есть причины пойти и рассказать, которых ты не знаешь.

Кэбот (сухо). К твоему благу, надеюсь! *(Выходит из кухни, идет к воротам, останавливается и устремляет взор на небо. Его самоконтроль ослабевает, он кажется старым и усталым. В отчаянии бормочет.)* Боже всемогущий, я никогда не был так одинок! *(Заслышав шаги слева, берет себя в руки.)* В ворота вбегают Эбин. Он тяжело дышит, смотрит по сторонам, у него вид сумасшедшего. *(Хватает его за плечо.)* Сказал шерифу?

Эбин (кивает головой). Ага.

Кэбот (швыряет Эбина на землю, смеется — уничтожающе и презрительно). Слизняк! *(Идет к коровнику, хохочет, затем оборачивается, говорит мрачно, с угрозой.)* Как только шериф уведет ее, убирайся на все четыре стороны! Убирайся, или — видит бог — ему придется прийти еще раз, чтобы забрать меня за убийство! *(Уходит.)*

Эбин (вскакивает, бежит в дом. Ворвавшись на кухню, подбегает к Абби, падает перед ней на колени). Прости меня! Прости!

Абби (радостно). Эбин! *(Целует его и прижимает его голову к своей груди.)*

Эбин. Я люблю тебя! Прости меня!

Абби (наклоняется, испуленно целует его). За эти твои слова я готова все тебе простить.

Эбин (в отчаянии). Но я сказал шерифу. Он придет за тобой.

Абби. Теперь мне ничего не страшно.

Эбин. Он еще спал, я разбудил его и рассказал. Он ответил: "Подожди во дворе, я оденусь". Я ждал, а сам все думал о тебе, сердце разрывалось! Я понял, что люблю тебя. Я всегда буду любить.

Абби (гладит его по голове; нежно). Глупый...

Эбин. Я бросился назад. Через поля и леса... и думал... Абби, у нас еще есть время. Мы успеем скрыться...

Абби (отрицательно качает головой). Нет, Эбин. Я приму наказание. Мне надо расплачиваться за грех.

Эбин. Тогда пусть поплачусь и я.

Абби. Но ты ничего худого не сделал.

Эбин. Это я подсказал тебе... Я хотел, чтобы он умер... Я надоумил...

Абби. Нет, Эбин. Я все сделала одна.

Эбин. Я виновен так же, как и ты. Если бы мы не согрешили...

Абби (подняв голову, как бы бросая вызов богу). Я не считаю это грехом. Я даже не прошу тебя, господи, простить мне это.

Эбин. Я тоже... Но наш общий грех привел к убийству. Значит, и я виновен. Я так и скажу шерифу. А если ты станешь отрицать, я скажу, что мы вдвоем замыслили убийство, и мне поверят, потому что все они подозревали нас, и это им покажется правдоподобным. Да и на самом деле — я надоумил тебя.

Абби (склонив голову на его грудь; рыдая). Нет. Я не хочу, чтоб ты страдал!

Эбин. Я тоже должен расплачиваться за грех. Оставшись на свободе, я буду мучиться больше. Если даже я уеду на Запад, — я буду думать о тебе день и ночь и мучиться. Разве я могу жить и сознавать *(понижив голос)*, что ты... мертва, — разве я могу? В неволе и в смерти, в раю, в аду — только с тобой. *(Смотрит ей в глаза, старается улыбнуться.)* Если я разделю с тобой наказание, я не буду чувствовать себя одиноким.

Абби (без прежней настойчивости). Я не могу тебе позволить, Эбин. Не

могу!

Эбин (целует ее; с нежностью). Этим ты себе не поможешь. На этот раз я победил тебя.

Абби (со слабой улыбкой, очень нежно.) Я и не хотела тебя побеждать.

Эбин (прислушиваясь). Слышишь? Шаги... За нами пришли.

Абби. Нет, эти шаги уж я-то знаю. Не отвечай ему, что бы он ни говорил. Не связывайся с ним. Я тоже буду молчать.

Входит Кэбот. Он очень возбужден. Эбин продолжает стоять на коленях перед Абби, она обняла его, они неподвижны.

Кэбот (молча смотрит на них, затем мстительно). Недурная парочка убийц. Воркуете? Вас надо повесить на одном суку и оставить висеть и в жар и в холод — в назидание таким старым дуракам, вроде меня, за стремление вырваться из своего одиночества. И в назидание молодым дуракам, чтобы они не давали воли своей похоти. *(Пауза. Лицо становится напряженным, глаза начинают бегать. Выглядит несколько ненормальным.)* Не работается мне что-то сегодня. Интерес пропал. Я решил покинуть ферму. Ну ее к черту! Выгнал коров в лес, на волю — пусть гуляют. Их освободил и сам освободился. Сегодня же уйду отсюда. Подожду, дом и буду смотреть, как он горит... Только пепел и останется. А поля — богу, чтоб никто и никогда не притронулся к ним. Сам уеду в Калифорнию — к Симеону и Питеру. Они хоть и дураки, но они мои сыновья, — Кэботы все вместе найдут сокровища Соломоновы. *(Дурачась.)* У-оп! Уходя, что ж они пели? А... "О Калифорния", — кажется, так? Я поплыву в Калифорнию на лучшем корабле. У меня есть деньги! *(Становится на колени, поднимает половицу, под которой когда-то спрятал деньги.)* Вы бы их давно украли, если бы знали, где они. А они — здесь. *(Шарит рукой, не находит, шарит вновь. Наступает мертвая тишина. Садится на пол, смотрит на Эбина мутными, как у мертвой рыбы, глазами, хватая ртом воздух, вот-вот лишится сознания, делает несколько судорожных вдохов — выдавливая наконец улыбку.)* Так, значит, ты их все же украл?

Страница 21 из 21

Эбин (спокойно). На эти деньги я откупил их долю в ферме, оплатил проезд в Калифорнию.

Кэбот (язвительно). Ха! *(Начинает приходить в себя. Медленно поднимается на ноги.)* Это бог им отдал деньги — не ты. Может, на Западе и легко добыть золото, но это не божье золото. Оно не для меня. Я вновь слышу его голос. Опять говорит мне — быть твердым и оставаться здесь. Он велел тебе украсть деньги, он уберет меня от соблазна. Здесь — я под защитой его. *(Пауза. С грустью.)* Так одинок я еще никогда не был, и я стар, боже! *(Ожесточаясь.)* Что вы от меня хотите? А разве бог не одинок? Разве он не жесток? *(Умолкает.)*

Слева появляется Шериф и с ним еще двое. Все трое осторожно подходят к двери. Шериф стучит в дверь прикладом пистолета.

Шериф. Именем закона — откройте!

Кэбот. Они пришли за вами. *(Выходит открыть дверь.)* Входи, Джим. Они здесь, Джим, в целостности-невредимости.

Шериф переступает порог кухни, остальные двое остаются стоять в дверях.

Эбин (вдруг кричит). Я солгал, Джим! Я помогал ей, мы — вместе... Забирай и меня!

Абби (порывисто). Нет!..

Кэбот. Заберите обоих. *(С завистью и почти восхищенно, Эбину.)* Молодец. Это достойно мужчины. *(Пауза.)* Я пойду. Пока еще можно собрать коров, они не ушли далеко. Прощайте.

Эбин. Прощай.

Абби. Прощай.

Кэбот выходит из кухни, спускается во двор и направляется к коровнику. Плечи его расправлены, лицо окаменело, он ступает медленно и тяжело.

Шериф (несколько растерянно). Надо идти, пожалуй.

Абби. Подождите. *(Поворачивается к Эбину.)* Я люблю тебя, Эбин.

Эбин. Я люблю тебя, Абби.

Они целуются. Трое мужчин смущенно улыбаются, переступая с ноги на ногу. (Кивнув головой шерифу.) Теперь пошли. *(Берет Абби за руку и вместе с ней — рука в руке — выходит из кухни.) Мужчины следуют за ними. (Спустившись во двор, останавливается у ворот и, прежде чем уйти, смотрит на небо.)* Солнце всходит. До чего красиво! Правда?

Абби. Да.

Оба благоговейно и восхищенно смотрят на небо, уже отрешенные от всего земного, от всех обид и страданий.

Шериф (оглянувшись, смотрит на дом; своим спутникам). Прекрасная ферма, что и говорить! Ферма — что надо. Не отказался бы от нее.

Занавес

1924